

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ**

Г. П. Ерхов

**ИЗУЧЕНИЕ КУРСА
«АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ СИТУАЦИЙ»**

Учебное пособие

Донецк
ГОУ ВПО «ДонНУ»
2020

УДК 327.5(075.8)
ББК ТЗ(о)7 - 6я73
Е797

Рецензенты:

Тонких В.А., д.и.н., профессор кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

Погорельский А.В., к.и.н., доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран ФГБОУ ВО «ВГУ»

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 2 от 6.03.2020 г.)*

Е797   **Автор: Ерхов Г.П.**
Изучение курса «Анализ международных ситуаций»: учебное пособие.– Донецк: ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020. – 109 с.

Учебное пособие на базе читаемого магистрам – международникам курса, опубликованных статей по ряду его тем, а также широкого использования материалов учебников и монографий известных специалистов-международников академика Примакова Е.М., профессоров Ахременко А.С., Боришполец К.П., Туронок С.Г., Хрусталева М.А., Цыганкова П.А., Абрамовой И.В., статей Ковалева И.Г., Яковлева и др.

В пособии рассматривается понятие политического анализа международных отношений, основные методы их изучения, анализируются современные международные ситуации в региональных подсистемах международных отношений.

УДК 327.5(075.8)
ББК ТЗ(о)7 - 6я73

© Ерхов Г.П., 2020
© ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. Зарождение и развитие политического анализа.....	10
РАЗДЕЛ II. Методологии и методы исследования международных ситуаций.....	22
РАЗДЕЛ III. Международная напряженность в Европе возрастает.....	39
Раздел IV. Латинская Америка: соперничество США и КНР в регионе.....	53
РАЗДЕЛ V. Африка: проблема развития, международная ситуация в регионе.....	65
РАЗДЕЛ VI. Современная международная ситуация на азиатском континенте	79
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	89
ГЛОССАРИЙ	92
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	96

ВВЕДЕНИЕ

Политический анализ, как научная дисциплина, сравнительно молод; использование этого термина, особенно в России, до сих пор носит не вполне строгий и достаточно расплывчатый характер и в силу этого требует от нас ясного определения понятий. Согласно утверждению Гарольда Лассвелла, одного из основоположников данного научного направления, «эта дисциплина может быть отнесена к политико-управленческим наукам, если она разъясняет процесс выработки и принятия политических решений в обществе или же обеспечивает необходимыми данными разработку рациональных способов разрешения политико-управленческих вопросов».

Следовательно, предметное поле политико-управленческих дисциплин вбирает в себя, с одной стороны, теории, описывающие и объясняющие процесс выработки, принятия и реализации политических решений, а с другой – прескриптивные теории, посвященные тому, как воздействовать на этот процесс, с тем чтобы повысить его эффективность.

В состав политико-управленческих дисциплин принято включать политический анализ (*policy analysis*), теорию принятия политических решений (*policy making*) и политическое управление (*political management*).

Поскольку политико-управленческая (*policy*) проблематика может подвергаться анализу с различных сторон, в различных аспектах и с различных теоретических и этических позиций, представляется целесообразным определять политический анализ в категориях производимого им продукта: совета или рекомендации для лица, принимающего политическое решение.

Можно провести ряд популярных определений политического анализа:

– «прикладная общественное-научная дисциплина, использующая множественные методы исследования и аргументации с целью производства и преобразования политически значимой информации, используемой в политической инфраструктуре для разрешения общественных проблем»

– «форма прикладного исследования, целью которого является углубление нашего понимания социотехнических проблем и выявление наилучших решений. Привлекая современные научные методы и технологии для решения общественных проблем, политический анализ направлен на поиск адекватных способов коллективного действия, а также на генерирование информации и организацию данных, касающихся выгод и других последствий, могущих вытекать из их принятия и применения на практике, содействуя тем самым лицу, принимающему решение, в выборе наиболее предпочтительного действия».

– «способы синтезирования информации, включая результаты исследования, с целью выработки формата политических решений (выделение политических альтернатив), а также определения будущих потребностей в политически значимой информации».

Основываясь на предложенных формулировках, можно дать следующее определение: политический анализ представляет собой прикладную политико-управленческую дисциплину, использующую множественные методы исследования и аргументации с целью разработки принципов и методов подготовки, принятия и осуществления публично-политических решений в проблемных ситуациях, обладающих общественной значимостью.

Инструментальное содержание политического анализа уточняется в понятии информационно-аналитических технологий (ИАТ) – это совокупность методов сбора и обработки информации, характеризующийся объект управленческого воздействия (социальные, политические, экономические и другие процессы), специфических приемов их диагностики, анализа и синтеза, а также оценки последствий принятия различных вариантов политических решений. Информационно-аналитические технологии в прикладном плане направлены на обеспечение деятельности лиц, принимающих политические решения в условиях дефицита времени, при неполноте сведений об исследуемых процессах, нечеткости, противоречивости или частичной недостоверности информации. Представляя информационные фрагменты в системном виде, ИАТ позволяют собрать рассеянные данные в своего рода «мозаику», создать целостную картину происходящего и спрогнозировать на перспективу действия различных факторов, структур, групп интересов и т.п.

Проблемная и ситуационная ориентация данного вида деятельности, в свою очередь, предопределяет специфику информационно-аналитического обеспечения принятия решений как отрасли научного знания.

Кажется, традиционная научная дисциплина стремится к развитию теории посредством генерирования и проверки гипотез, которые подтверждают, уточняют и проясняют общее понимание происходящих событий. Высокоразвитая научная дисциплина способна, комбинируя свои законы и теории с небольшими, дозированными вкраплениями фактической информации о происходящих событиях, генерировать обоснованные предположения относительно их причин и последствий. Однако своими успехами наука в значительной мере обязана той продуманности и аккуратности, с которой ее практики осуществляют отбор проблем своего исследования. Другой фактор успеха основан на природе исполнителя

данного рода деятельности: это научная дисциплина как таковая, представленная своими приверженцами; научное сообщество.

Когда же речь заходит о практически значимых общественных проблемах, требующих политического решения, применимость строгих научных процедур оказывается под вопросом. Существует ли в природе теория, способная в деталях предсказать поведение общественных сил и политических лидеров? Есть ли хотя бы один факт общественной жизни, столь же надежный и однозначный, как факты естественных наук? Модель научного исследования и упорядоченные, рациональные принципы, на которых она построена, оказываются не вполне пригодными для объяснения этих событий или предсказания их последствий. И тем не менее общественные процессы привлекают внимание и требуют действия: какие же модели и подходы могут найти здесь применение?

Политический анализ по сравнению с традиционной наукой жестко ограничен невозможностью выбора проблем, а также ограниченным объемом доступных ресурсов. В ряду специфических трудностей, с которыми сталкивается политический анализ, можно также упомянуть влияние личностных ценностей и представлений, риск и неопределенность в отношении будущего.

Сам политический процесс лишь частично может быть признан рациональным, по крайней мере, согласно научным критериям рациональности. Решения и анализ, на который они опираются, оказываются несовершенными, потому что «факты», с которыми они имеют дело, не являются объективными согласно рациональным стандартам, представляя собой в значительной степени продукты социального конструирования. Общественные проблемы неоднозначны и изменчивы, их смысловое содержание различно для тех или иных вовлеченных сторон. И сами проблемы, и их контекст, и возможные их решения не являются постоянными – они эволюционируют естественным образом, в том числе и в ответ на предпринимаемые усилия по их анализу и решению.

К. Паттон – известный специалист в этой области - выделяет следующие характерные особенности политических проблем:

- они не имеют ясного определения;
- правильность их решений не может быть доказана до практического применения;
- ни одно из решений проблемы не гарантирует достижения ожидаемого результата;

- решения проблем редко являются одновременно самыми лучшими и самыми дешевыми;
- адекватность решений бывает трудно измерить в категориях общего блага;
- справедливость решений невозможно измерить объективно.

Задача измерения политических проблем может осложняться оценочной нагрузкой, незримо присутствующей во многих дескриптивных инструментах и методиках. Например, принятая в России и большинстве стран мира методика измерения уровня безработицы, принимает в расчет только лиц, пребывающих в активном поиске работы, что подразумевает их регистрацию в службе занятости. Такой подход чреват значительной недооценкой реального уровня безработицы, поскольку исключает из расчета лиц, деморализованных своим положением и не предпринимающих активных усилий в поиске новой работы. Поиск адекватного определения бедности оказывается еще более сложной задачей, поскольку предполагает учет не только наблюдаемых доходов, но и различных побочных источников поддержки, возможностей извлечения дохода из имеющейся собственности (недвижимости, земельных участков, автотранспорта и т.д.): в результате то, что один аналитик назовет бедностью, другой посчитает приемлемыми жизненными трудностями.

Существуют и другие обстоятельства, препятствующие точному описанию и объяснению социальной и политической реальности. Данные, необходимые для проверки гипотез и теорий, могут быть исключительно труднодоступны. Экспериментальные методы, зарекомендовавшие себя в естественных науках, при политическом анализе предполагают манипулирование людьми, при этом экспериментаторы оказываются ограниченными в своих возможностях этическими соображениями. Задавая те или иные вопросы, они могут нарушить неприкосновенность личной жизни человека; воздействуя на участников эксперимента теми или иными стимулами, они могут подвергнуть их физическому либо эмоциональному риску.

Названные обстоятельства ставят перед политическим аналитиком вопросы методологического и философского характера, которые следует принимать во внимание при изучении и применении на практике тех эмпирических методов, которые употребляются в данной дисциплине.

Наконец, решающим обстоятельством является то, что проблемно-ориентированный, прикладной подход, будучи призван отвечать на практические запросы субъекта управленческих решений (удовлетворяется рационально-упрощенным пониманием объекта и минимально достаточным

объемом данных для выявления реально функционирующих элементов ситуации в качестве предпосылок или составных частей целенаправленной деятельности субъекта). В силу этого эффективность использования политического инструментария и технических приемов во многом определяется его способностью сохранять оперативность и инновационность; предлагать сравнительно простые решения, не требующие значительных временных, организационных и прочих затрат; быть достаточно гибким, легко адаптируемым к различным проблемным ситуациям; сочетать преимущества неформальной качественной аргументации с достоинствами формализованных количественных выкладок.

Формулируя и применяя на практике новые проекты и методологии, отвечающие комплексному характеру современных проблем, аналитик стремится к творческому синтезу того, что могут предложить существующие научные дисциплины. Сложность и многогранность информационно-аналитической деятельности предопределяются ее позицией на стыке целого ряда научных дисциплин: речь идет прежде всего о таких науках, как политология, социология и экономическая наука (концептуализация, операционализация, анализ и прогнозирование), логика и математика (ситуационное и математическое моделирование), информатика (автоматизированный сбор и обработка данных, компьютерное моделирование), управленческая наука (выработка альтернативных вариантов решений, анализ их проходимости и имплементации), психология (коммуникация с лицами, принимающими решения). Эти и другие науки, обогащая друг друга, объединяются в сфере информационно-аналитического консультирования в единый прикладной, проблемно ориентированный комплекс.

Популярная аналогия позволяет прояснить методологическую специфику политического анализа. Так, современная медицина обращается к достижениям разнообразных естественных и общественных наук (к ним относятся, например, химия, молекулярная биология, радиоэлектроника, кибернетика и даже астрофизика) в той мере, в какой они способны найти практическое применение в решении конкретных проблем охраны здоровья человека (синтетические лекарственные препараты, лазерная хирургия, компьютерная томография и т.д.). При этом организующим принципом медицины как профессиональной деятельности остается «интерес клиента» (здоровье пациента). Характер взаимоотношений между врачом (консультантом) и пациентом (клиентом) также подчиняется определенным общим закономерностям, а именно эффективность предлагаемых

рекомендаций в значительной мере зависит от готовности и желания пациента следовать советам врача на практике.

Характеризуя предметно-методологическую специфику политического анализа, необходимо дать краткое пояснение по поводу использования в данной работе терминов «методология», «метод» и «методика» («техника»).

Методики представляют собой относительно специализированные процедуры и технические приемы, применяемые политическими аналитиками для решения конкретных видов проблем.

Если аналитические методики специализированы и применимы в относительно ограниченных обстоятельствах, то методы политического анализа имеют достаточно общий и универсальный характер, рассчитанный на различные области исследования. Эти методы включают процедуры оценки, прогнозирования и мониторинга последствий принимаемых политических решений, формулирования оценки и т.д.

Методология, в свою очередь, представляет собой систематическое и критическое изучение множественных методов и методик политического анализа; она имеет отношение скорее к процессу получения политически значимого знания, к логике исследования политических проблем, чем просто к применению конкретных методов и методик. Целью методологии является не только более полное овладение методами и методиками, но и совершенствование их применения в анализе и решении социально-политических проблем.

Учебная дисциплина «Анализ международной ситуации» является составной частью политического анализа. Ее изучение позволяет магистрам-международниками познать методологию исследования международной ситуации и принимать эффективные решения.

РАЗДЕЛ I. Зарождение и развитие политического анализа

Политический анализ уходит своими корнями в те исторические времена, когда люди начали сознательно культивировать знания о политике и в интересах политики, выявляя тем самым эксплицитные взаимосвязи между знанием и действием. В этом отношении политический анализ стар, как сама человеческая цивилизация, и включает различные формы исследования – от мистицизма до современной науки. Характерной чертой политического знания, независимо от способов его производства, является его практическая ориентация: знание является скорее руководством к действию, чем самоценной вещью в себе. Целью политического анализа в историческом плане было обеспечение лиц, принимающих политические решения, информацией, могущей быть использованной в поиске решений практически значимых проблем.

Данная широкая формулировка, предлагаемая Уильямом Данном, позволяет рассмотреть различные смысловые значения, которые в прошлом приписывали процессу производства политически значимого знания. Датировать с достаточной степенью точности тот исторический момент, когда политически значимое знание было произведено впервые, представляется едва ли возможным.

Уже во втором тысячелетии до нашей эры в древних государствах Месопотамии, Индии и Египта растущие потребности управления комплексными городскими поселениями и новыми формами социальной организации общества наряду с усиливающимся осознанием взаимосвязи между политическим знанием и действием со временем вызвали к жизни образованную социальную страту, специализировавшуюся в производстве политически значимого знания и отвечавшую за прогнозирование последствий политических решений, например, в области планирования сельскохозяйственных работ или военных действий. Хотя основные способы производства политически значимого знания и носили преимущественно ненаучный с современной точки зрения характер, поскольку предполагали обращение к мистицизму, ритуалу и оккультным силам в предсказании будущего, тем не менее и такие процедуры отчасти были связаны с наблюдаемой реальностью и практическим опытом. Ведь авторитет, а порой и жизнь первых производителей специализированного знания в определенной степени зависели от практических последствий их рекомендаций, а не только от процедур и ритуалов, посредством которых эти рекомендации были получены.

Если же говорить о классических древних источниках, принадлежащих перу Платона, Аристотеля, Каутильи и других мыслителей, сочетавших с тем или иным успехом философские изыскания с практической вовлеченностью в процесс выработки государственной политики, то они остаются творениями отдельных выдающихся производителей специализированного знания, но не целых групп профессионально подготовленных специалистов, осуществляющих систематическое глубокое влияние на политический процесс.

Историческая эволюция, профессиональных групп специалистов в различных областях публичной политики, начиная с эпохи европейского Средневековья, классически описана Максом Вебером. Управление государствами, финансами, военное дело и судопроизводство – три основные сферы, в которых профессиональное экспертное знание одержало первую победу над «княжеским самовластием». Придворные писари с гуманитарным образованием, современным аналогом которых является президентский спичрайтер, также осуществляли ограниченно значимое воздействие на принятие политических решений.

Однако лишь с началом эпохи Просвещения и индустриальной революции в Европе, с конца XVIII в., производство политически значимого знания приобретает характер относительно самостоятельного вида деятельности, руководствующегося собственными процедурами и сравнительно изолированного от предрассудков и интересов повседневной политической жизни. Под воздействием просветительских идей эта деятельность была подчинена канонам эмпирицизма и научного метода.

В XIX в. формируется новая генерация производителей политически значимого знания, делающая ставку на систематический сбор и анализ эмпирических данных. Статистические общества Лондона и Манчестера образованные в 1830-е годы объединенными усилиями ученых, банкиров и промышленников, стремились заменить традиционные (философско-этические, нормативные) способы мышления по поводу социальных проблем систематическим изучением данных, характеризующих процессы урбанизации и индустриализации, их противоречивые социальные последствия. Аналогичные инициативы имели место во Франции, Германии и Голландии.

Увлечение количественными методами исследования сочеталось с озабоченностью идеями социальных реформ: язвы раннеиндустриального европейского общества порождали нестабильность, и лица, принимающие решения (в правительстве, финансовом секторе и нарождающейся фабричной промышленности), нуждались в информации, позволяющей наращивать

возможности социального и политического контроля в условиях урбанистической и индустриальной экспансии.

В этом контексте прикладные общественные науки – сначала в лице статистики и демографии, позже в лице оформившихся дисциплин социологии, экономики, политической науки и государственного управления – развивались в ответ на вызовы практических проблем понимания и контроля усложняющихся социальных систем. Развитие новых методов исследования было движимо не столько стремлением к обретению новых научных «истин», сколько желанием доминирующих социальных групп использовать продукты научного анализа в целях политического и административного контроля.

Качественный скачок, в развитии производства политически значимого знания в XX в. обусловлен в первую очередь процессом профессионализации и институционализации данного вида деятельности. Ведущую роль в этой области начинает играть академическое сообщество, представители которого сочетают специализированное обучение и исследование с периодической выработкой практических советов и рекомендаций государственным и общественным институтам на контактной основе.

Наиболее значимый порядок профессиональных исследователей в структуре государственной власти приходится на период «нового курса» президента Рузвельта. Созданный им Национальный совет планирования, укомплектованный в основном выходцами из академической среды, позиционировался в качестве своеобразного «генерального штаба» по сбору и анализу данных; мониторингу государственных программ и формулированию рекомендаций, основанных на углубленном научном исследовании и взвешенном обсуждении альтернативных вариантов. Анализ публичной политики с точки зрения того, что здесь не так, достижение понимания того, как сделать лучше, и обучение тому пониманию – вот, по мнению одного из основоположников политического анализа, А. Вилдавски, основные мотивы, лежавшие у истоков первых американских школ публичной политики и политического анализа.

В 30-е годы XX в. систематическое изучение публичной политики оформилось в лоне государственного управления. Специализированные программы были учреждены при ведущих университетах США, примером чего служит Школа государственного управления в Гарварде, основанная в 1937 г. Инициатива создания школ политического анализа была призвана снять неудовлетворительность традиционным государственным правлением; образцом для подражания служили школы бизнеса: они имели престиж в студенческих кампусах, устойчивые связи с экономической элитой,

финансовую поддержку; их выпускники не имели проблем с трудоустройством.

Другими словами, школы публичной политики были задуманы как организации, способные сыграть для госсектора ту же роль, какую школы бизнеса сыграли для частного сектора: выпускать студентов, способных «колонизировать» бюрократические структуры, критиковать то, что эти структуры делали, и по мере возможности улучшать качество политического процесса.

С другой стороны, согласно Г. Лассвеллу, концептуальное оформление политико-управленческих наук было в значительной степени стимулировано глубоким кризисом, вызванным двумя мировыми войнами, тем более что немалую роль в возникновении последних сыграли непродуманность и необоснованность политических решений лидеров многих держав мира.

В годы Второй мировой войны и послевоенной экономической реструктуризации политические исследователи были широко востребованы в попытке найти решения новых масштабных проблем – от формирования морального духа военнослужащего до регулирования цен и рационирования продовольствия. Систематическое привлечение научного анализа в планировании военных и внешнеполитических решений получило широкое признание со вступлением человечества в век атома и эпоху «холодной войны». Резко возросшая цена риска такого рода решений, измеряемая порой не только миллиардами долларов, но и миллионами человеческих жизней, качественным образом повысила степень ответственности лиц, принимающих решения в областях военной и внешней политики. В этой ситуации обучение на собственных ошибках стало недоступной роскошью и прогнозирование последствий принимаемых решений перешло в область математического моделирования. Именно на разработке сценариев глобального термоядерного конфликта для Пентагона и Белого дома в 50-е годы XX в. сделал себе имя один из наиболее известных и крупных центров политического анализа в США – Rand Corporation.

Значительный импульс становлению политического анализа в 1940-1950-е годы дала деятельность специалистов, весьма далеких от традиционных общественных наук. Военное планирование требовало специализированных знаний инженеров, системных аналитиков и математиков, т.е. людей, чье восприятие политических проблем и решений было аналитическим в строгом смысле этого слова: разложение, или декомпозиция сложных проблем на составные элементы и выявление их взаимоисключающих альтернативных комбинаций, последствия которых могут быть количественно спрогнозированы и оценены с точки зрения

достижения поставленных целей. Специфические истоки такого «аналицизма» во многом способствовали характерному игнорированию специфических социальных, политических и организационных обстоятельств вырабатываемых решений, что представляло собой определенное отклонение от традиции, заложенной в XIX в. и продолженной в XX.

Тем не менее данная парадигма внесла весомый вклад в развитие профессионального политического анализа в качестве самостоятельной индустрии производства политически-ориентированного знания. Корпорация RAND долгое время оставалась бастионом «аналицизма», сыграв решающую роль в разработке и распространении в государственном и академическом сообществах таких методов и методик, как системный анализ, система планирования, программирования и бюджетирования (PPBS) и т.д.

В то же время, оформившееся в послевоенные десятилетия влиятельное «движение политико-управленческих наук» (*policy movement*) стремилось возродить и продолжить традиции, заложенные М. Вебером, К. Мангеймом, Дж. Дьюи и другими основоположниками современных социально-политических наук. Первым систематическим усилием в формировании политического анализа как самостоятельного направления в рамках общественных наук можно считать сборник под редакцией Д. Лернера и Г. Лассвелла «Политико-управленческие науки: Современные тенденции в предмете и методе», вышедшие в 1951 г. Во введении Лассвелл отмечал, что «политико-управленческие науки» (*policy sciences*) не ограничены традиционными целями научного познания, обладая основополагающей практической ориентацией. Более того, целью таких наук провозглашается не просто содействие принятию более эффективных решений, но также производство знания, «необходимого для совершенствования практики демократии. Другими словами, мы делаем особый акцент на политической науке демократии, высшей целью которой является реализация человеческого достоинства в теории и на практике».

В 1950 – 1960-е годы решающую роль в повышении интереса к научным методам анализа и прогнозирования социально-политических процессов сыграл фактор снижения реальных издержек компьютеризации. Возможность конструировать большие модели влекла за собой способность понимания больших национальных проблем посредством измерения (а затем минимизации) потерь в экономической эффективности от различных политических альтернатив.

Актуальный общественно-политический спрос на аккумулированные политическим анализом знания применительно к решению насущных социальных проблем расовой дискриминации, бедности, гонки вооружений и

загрязнения окружающей среды также оказался значимым фактором, определившим становление этой отрасли политических наук в конце 1960-х – начале 1970-х годов.

В 1970-е годы процесс институционализации и организационного оформления политико-управленческих наук вошел в решающую фазу: формируется развитая инфраструктурная сеть, специализированная в производстве, критической оценке и распространении политико-управленческого знания. В эти годы, появляются новые специализированные журналы, такие, как *Policy Sciences*, *Policy Analysis*, *Policy Studies Journal*. Понятие политический аналитик прочно входит в лексикон отделов кадров государственных, корпоративных и общественных организаций. Если в прошлом, вплоть до 1950-х годов, исследователи и специалисты привлекались к процессу выработки политических решений эпизодически, главным образом в кризисных ситуациях, то в последующие десятилетия и собственно политического анализа играли институционализированные роли в политическом и академическом сообществах. Политико-управленческие дисциплины превращаются в одну из наиболее динамично развивающихся индустрий знания конца XX в.

Воодушевленные первыми успехами, прежде всего в области военно-политического планирования, американские аналитики могли бы взять на вооружение централизованный, крупномасштабный, «сверху-вниз» направленный подход в духе программного планирования и бюджетирования (PPBS). Однако американская школа политического анализа проделала эволюцию в сторону ориентированного на инкрементальное изменение в противоположность радикальному, ставящее в центр внимания скорее малые проблемы, децентрализованного, «снизу вверх» направленного анализа, предпочитающего иметь дело с множественными предпочтениями, нежели с предпочтением одного «лица, принимающего решение».

Одной из причин такого поворота в судьбах политического анализа в США явился системный политический кризис, вызванный войной во Вьетнаме. Разочарованные в проводимой властями политике, многие политические аналитики в конце 60-х годов покинули свои должности в высших органах государственной власти, влившись в новые, негосударственные, коммерческие либо локальные структуры.

Вместе с тем основные факторы предупредившие различия американской и континентально-европейской школ политического анализа, надо искать в социокультурных и политических традициях.

Американский политаналитик по природе своей децентрализатор. Вместо того чтобы наращивать дополнительную нагрузку на государство, он

будет скорее искать возможности высвобождения нереализованной неопределенности, ограниченности достоверной информации и отсутствия знания он, как правило, отдаст предпочтение скорее малым, чем крупным, проектам, сбору разрозненной информации и небольшим экспериментам, обучению на опыте. Американские школы политического анализа учат инкрементализму, стремясь скорее избежать известных зол, чем достичь великих благ; они воспитывают стиль практически ориентированных и умеренных политических трансформаций в противоположность европейскому стилю большой, дорогостоящей, единообразной и, возможно, необратимой политики. Американский стиль достаточно надежен, если принимать во внимание ограниченные интеллектуальные и моральные способности человеческого самосовершенствования.

В этом отношении американская школа политанализа в основе своей консервативна. Модели политанализа базируются на существующей ситуации, преодолевая ее рамки только для умеренных улучшений. Американский политанализ локален, ориентирован скорее на части, чем на целое: он фиксирует не всю проблему в ее целостности, но лишь те ее части, над которыми клиент способен осуществлять контроль. Если 90% проблемы лежит за этими пределами, политанализ будет работать над тем, каким образом воздействовать на оставшиеся 10% для получения желаемого результата.

Важнейшим фактором и предпосылкой формирования такого типа политического анализа, потребности в нем является стремление к концентрации в экспертном знании и консультировании. Альтернатив должно быть несколько, они должны исходить из нескольких источников, и в обществе должна быть достаточная дисперсия власти, чтобы конкурировавшие источники имели шанс быть услышанными.

Во многом именно различная степень терпимости к независимой рекомендации предопределила зарождение школ политанализа в США, а не в Европе. Традиционно одними из основных характеристик бюрократии считались монополия на экспертизу и гарантия занятости. Движение политанализа в Америке разрушило эту монополию и ослабило гарантию занятости. В каждой значимой области политики в США есть несколько конкурирующих центров анализа. В значительной мере они состоят из тех, кто ранее входил или рассчитывает войти в состав бюрократических структур. Соперничающие группы аналитиков работают в аппарате Конгресса, в комитетах, в мозговых штабах, университетах, разнообразных фондах и институтах. Бюрократия здесь утратила монополию на экспертизу в области не только обороны, но и транспорта, соцобеспечения и

здравоохранения. В результате информация о публичной политике – как осуществляется, почему она должна осуществляться лучше, какие клиентелы она должна обслуживать дифференцированно, - прежде закрытая, стала достоянием общественности; на место монополии пришла конкуренция.

В каждый данный момент одна часть аналитиков (аутсайдеры) критикуют то, что делает другая часть (инсайдеры). Поддержка правительства инсайдерами так же необходима, как и критика аутсайдерами. Примерно каждые четыре года многие из них меняются ролями; при этом обе стороны уверены, что продолжение этой конкурентной игры способствует лучшей политике.

В отсутствие приверженности к конкуренции как основе независимого, внеправительственного, внепартийного, незаинтересованного мышления Европа не имеет сопоставимых с американскими мозговых центров и школ публичной политики. Европейский политанализ локализован преимущественно в политических партиях и группах интересов. Ставя politics выше policy, европейцы предпочитают жертвовать эффективностью в угоду легитимности.

В «третьем мире», где элиты привержены идее экспансии государства, где правящие бюрократии склонны воспринимать себя скорее, как «большого работодателя», а не работника, нет повода обращаться к постороннему совету, а соответственно нет потребности в политическом анализе.

В современной России прикладная политология предстает как самая быстроразвивающаяся дисциплина в сравнении с другими направлениями политических наук. Многие политологи непосредственно включались в политический процесс для решения именно прикладных задач.

Закономерен и интерес к истории возникновения этой дисциплины в России. Одним из первых осуществил академическую постановку ряда методологических проблем политологии и социологии А. Стронин, который в капитальном труде «Политика как наука» (1872) разделяет политическое знание на фундаментальную «теоретическую науку» и прикладное «практическое искусство», при этом вторая часть работы носит удивительно современное и вполне прикладное название – «Политическая диагностика и прогностика России».

Б. Чичерин в «Курсе государственной науки» (1894-1898) утверждал, что практическая политика не только предваряет и ориентирует разработку политической теории, но, более того, в определенном смысле «политика есть не наука, а практическое искусство, существовавшее задолго до появления какой бы то ни было государственной науки».

Эту же линию продолжил Пителир Сорокин, успешно сочетавший качества академического ученого с аналитическими навыками практического политика и эксперта. В 1917 г. в качестве секретаря министра-председателя кабинета он готовит ряд государственных документов, в частности «Политическую программу Временного правительства». В более поздних фундаментальных исследованиях («Система социология», 1920) П. Сорокин четко разводит фундаментальный и «прикладной» аспекты социальной науки, связав последний с «социальной политикой» - прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами.

В советский период политические исследования осуществились в дисциплинарных рамках марксистских парадигм «научного коммунизма» и частично «диалектического» и «исторического материализма». Исследования прикладного характера концентрировались в специфических отраслях «стратегии и тактики КПСС» и «организационного строительства» различных институтов советской политической системы, соответствующие курсы читались в специализированных партийных комсомольских, профсоюзных школах. Тем самым прикладные разработки в области внутренней и внешней политики в советский период оказались перенесены в сферу аналитического обеспечения деятельности партийно-государственных институтов (ЦК КПСС, КГБ и МИД СССР, ЦК ВЛКСМ и т.д.).

В силу этого значительная часть прикладного и ситуационного анализа носила тот или иной гриф «секретности» либо предназначалась исключительно «для служебного использования». Сами исследования в данной области весьма четко подразделяются на внешнеполитические и внутривнутриполитические, при этом именно прикладные исследования внутривнутриполитических ситуаций в «мире социализма» были практически засекречены, так как выполнялись прежде всего собственными аналитическими структурами КГБ и МВД СССР, ГРУ, военной контрразведки, а также некоторыми подразделениями АН СССР (например, институтом США и Канады, ИМЭМО, ИНИОН) по заказу партийно-государственных органов.

Вместе с тем основная часть разработок в области прикладного анализа относилась к внешней политике и международным отношениям. В данном направлении работали почти все институты Академии наук регионально-страноведческого профиля, которые готовили «памятные записки» и аналитические доклады для партийно-государственных органов (МИД СССР, международного отдела ЦК КПСС и др.).

С середины 1970-х годов был опубликован целый ряд статей, сборников и даже монографий по методологии прикладного анализа и прогнозирования внешнеполитических ситуаций, которые в известном смысле образовали основу современных научных тенденций в данной области (среди их авторов – А. Сергиев, А. Кокошин, С. Мелихов, И. Тюлин, М. Хрусталева и др.). в этих работах изучались западные, в первую очередь американские, методики прикладного анализа.

Реальному становлению политической науки препятствовала сама практика тоталитарного государства с его единственным политическим субъектом, претендовавшим на выражение интересов всего общества, - КПСС. С началом перестройки изменение общего характера политического процесса вывело развитие прикладной политологии на новый уровень. Для понимания содержания той или иной проблемно-политической ситуации и тенденции ее развития потребовались профессионалы, владеющие специальными методами политического анализа, диагностики, прогнозирования.

Целый ряд специалистов из академических и учебных институтов, работавших в советский период в международной и страноведческой областях и овладевших принципами и техникой политического анализа, в постперестроечные годы обратились к анализу внутренней политики (среди них И. Бунин, С. Караганов, А. Салмин, Г. Сатаров и др.) с использованием методик, отработанных за рубежом.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в стране было создано немало политических центров, обеспечивающих информационно-аналитическую поддержку различных государственных и общественных структур. Экспертный институт Российского союза промышленников и предпринимателей (руководитель А. Нецадин). Институт социально-политических исследований РАН (руководитель Д. Ольшанский), Центр «Индем» (руководитель Г. Сатаров). Аналитический центр С. Кордонского, Институт политических технологий (руководитель И. Бунин).

Сама специфика российского политического процесса определяется центральными участками приложения сил ученых-аналитиков. Политический маркетинг и избирательные технологии – едва ли не самое интенсивно развивающееся направление прикладной политологии в России. Основными направлениями политического анализа в этой области являются типологизирование и моделирование электората, выработка стратегии и тактики избирательной кампании.

В числе основных предметов прикладного политического анализа получили широкое распространение исследование и проектирование имиджа

политического субъекта. Признанными лидерами в данном направлении являются специалисты политологического центра «Никколо М.».

Одно из наиболее актуальных направлений прикладной политологии – это исследование конфликтов и проектирование путей их разрешения.

В то же время до сих пор самым слаборазвитым участком прикладной политологии остаются обоснование и выбор альтернативных вариантов политических решений. Подобная ситуация продиктована во многом объективными обстоятельствами и особенно закрытостью для аналитиков механизмов принятия решений или эксклюзивным характером таких разработок, выполняемых по контрактам.

Важная проблема, непосредственно касающаяся всех, кто занимается прикладным политическим анализом в России, – становление профессионального сообщества. Без такого сообщества не может полноценно развиваться ни одна научная дисциплина; более того, не может быть эффективным влияние специалистов на реальные политические процессы.

Научное сообщество как таковое, во-первых, предполагает наличие определенных стандартов исследования и доказательства; отсутствие четких критериев научности мешает отличить профессиональный политический анализ от мистификаций, направленных на манипулирование общественным мнением; во-вторых, требует соблюдения совместно определенных правил игры и этического кодекса, ведь прикладная политология призвана служить не только каким-то элитным группировкам, но и общим интересам складывающегося гражданского общества; гражданская же миссия прикладной политологии состоит в том, чтобы «окультурить» российскую политику в целом, сформировав цивилизованные нормы политического дискурса и поведения.

Современное состояние политического анализа как профессиональной дисциплины, определенное сближение американской и европейской традиций и формирование международного сообщества политических аналитиков во многом определяются поиском ответов на новые запросы времени.

Первым серьезным вызовом политическому анализу стало осмысление того факта, что наши интеллектуальные способности измерять неуспех несравнимо выше наших коллективных возможностей обеспечивать успех, воздействуя на поведение людей. Однако, чтобы доказать свою практическую значимость, политанализ должен не только производиться, но и применяться. Преодоление этой пропасти требует становления новой специальности, получившей название имплементации или утилизации

политического анализа. Тем самым акцент сдвигается в плоскость употребления политанализа и злоупотребления им.

Другой вызов исходил из понимания того, что ясные и четкие решения не становятся продуктом политического анализа, потому что оказывается недостижимым достаточное политическое согласие в отношении целей, равно как и политическое осознание последствий их достижения. Актуальные проблемы публичной политики все больше приобретают характер конфликтов ценностей. Традиционный политанализ предполагает существование в обществе широкого ценностного консенсуса в качестве своей предпосылки. Чем шире ценностные разногласия, чем меньше решений, приемлемых для всех участвующих сторон, тем более проблематичным становится знание. Аналитический метод, зависящий от возможности признать большую часть условий равными, чтобы исследовать остальные, оказывается под вопросом. Нарастание ценностного антагонизма и поляризация элит – факторы, диктующие необходимость перемен в политанализе. Должен быть найден ответ на вопрос, который традиционный политанализ воспринимает как данность: как обеспечить согласие людей в отношении основополагающего минимума, делающего возможным коллективное действие?

Поиск ответа на него предполагает формирование такого нового направления в политико-управленческих дисциплинах, как политический менеджмент. Технократический подход – понимание задачи менеджера как достижения ясных, непротиворечивых и предопределенных целей – не устраивает приверженцев «политического менеджмента» не только потому, что цели в публичной политике, формируемые в ходе переговоров, как правило, множественны, противоречивы и расплывчаты. Подобно тому как специалисты в области оценивания политических решений все больше стремятся стать утилизаторами, чтобы их труд не пропал даром, так и политические менеджеры, стремясь крепче держать в руках свою судьбу, стремятся расширить свою концептуальную гегемонию. Не желая сдавать ни одну из позиций в ремесле политанализа, они хотят стать одновременно и более техничными, и более политизированными, наделяя существующую отрасль прикладного политанализа такими задачами, как формирование политического консенсуса в отношении управленческих целей или обеспечение политической поддержки для их изменения.

РАЗДЕЛ II. Методологии и методы исследования международных ситуаций

Внешние проявления международной жизни, находящейся в процессе непрерывных изменений, сами по себе мало говорят о том, что происходит в мире, о тенденциях его развития, о его возможном будущем. Взаимосвязь между разрозненными событиями, многообразными феноменами, факторами и процессами, из которых состоят международные отношения и мировая политика, устанавливает международно-политическая наука, которая «упорядочивает» и концептуализирует их. В этой связи неслучайным является термин «научная (или учебно-научная) дисциплина». Отбирая и «просеивая» эмпирический материал, подвергая его анализу в свете уже имеющегося и критически переосмысливаемого знания, она позволяет постоянно держать в центре внимания важные аспекты международных отношений, придает им системный характер, находит повторяемость в отдельных событиях, выявляет тенденции и контртенденции, стремясь прогнозировать мирополитическое развитие. Важную роль в этом играет методология научного поиска, используемые в его ходе методы и процедуры исследования и доказательств формулируемых гипотез.

Как связаны между собой теория и методология, какое содержание вкладывается в понятия «методология» и «метод»? что представляет собой наиболее общие методологические подходы, в чем суть разногласий, касающихся их эффективности, между приверженцами того или иного из них, и возможен ли «средний путь»? Наконец, какие конкретные методы чаще всего используются при изучении международных отношений и мировой политики и какова их роль в исследовательском процессе?

Эти вопросы и рассматриваются в данном разделе. Важно иметь в виду, что его цель состоит в том, чтобы дать о них первичное представление. Что же касается умения пользоваться соответствующими методами и процедурами изучения и анализа международных отношений и мировой политики, то оно достигается в ходе работы над конкретным проектом: как нельзя научиться плавать, не войдя в воду, так невозможно освоить использование исследовательских методов, не погрузившись в научный поиск.

Как известно, понимаемый в самом общем виде анализ представляет собой общенаучный метод, предполагающий мысленное или фактическое разложение объекта исследования на составные части и изучение их существенных свойств и характеристик с целью последующего объединения

(синтеза) в единую картину, дающую представление о внутренних взаимосвязях, особенностях и тенденциях его изменения. Под политическим анализом, имеющим прямое отношение к МО и МП, понимают «аналитико-синтетическую процедуру, сочетающую расчленение исследуемого объекта на составные части и соединение этих частей на новом познавательном уровне»

В данном случае, мы исходим из понимания политического анализа как широкого, комплексного метода/методологии изучения международных реалий. Это важно подчеркнуть в свете высказываемой иногда точки зрения, согласно которой понятия «политический анализ» достойны лишь прикладные исследования. Думается, что, скорее, правы те, кто считает, что, обладая относительной самостоятельностью, связанной со спецификой изучаемого объекта, целей изучения и его субъекта, прикладной политический анализ вместе с тем представляет собой и «совокупность теоретических моделей, методологических принципов и процедур исследования».

Широкое понимание политического анализа, как следует из вышесказанного, включает в качестве составной части и прогнозирование. Вместе с тем политическое прогнозирование как метод исследования международных реалий обладает и существенной самостоятельностью, выступая в роли методологии для специфических процедур и методик получения научно обоснованных выводов о «возможных состояниях политических систем, процессов и субъектов в будущем о тенденциях их развития.

Вышесказанное означает, что международно-политический анализ выступает и методом, и методологией изучения международных отношений и мировой политики. Методология – это область знания о совокупности путей, способов и приемов, иначе говоря, методов исследования наукой своего объекта. Методология формулирует исходные посылки исследовательского процесса. Она призвана показать, как следует изучать тот или иной объект, чтобы получить о нем наиболее полное знание. Поэтому методология есть одновременно и теория, и общий метод познания. В свою очередь, метод – это последовательная, упорядоченная совокупность действий по достижению поставленных исследовательских задач. Процедуры, приемы и техники (технологии) использования методов рассматриваются как исследовательские методики. Указанные понятия тесно взаимосвязаны, более того, они «перетекают» друг в друга.

Общая или «большая» теория выступает как метатеория – своего рода основа, перспектива, детали которой уточняют и «прорисовывают» более

частные теории. При этом степень общности теории и, следовательно, уровень ее методологической роли – величины относительные. Методологии исследования тех или иных сторон объекта данной теории выступают в качестве более конкретных концептуальных построений, т.е. в качестве частных теорий.

Так, например, роль наиболее общей теории в международной-политической науке играет МО и МП в целом. В качестве таковой она стремится дать панорамное видение международных отношений как разнородной совокупности, конгломерата всех сосуществующих теоретических взглядов на их природу и характер. В этом контексте реализм, либерализм, марксизм и конструктивизм выступают как теории среднего уровня.

Среди частных теорий можно выделить два типа: межпарадигмальные и парадигмальные. К первым могут быть отнесены теории безопасности, конфликтов, сотрудничества и др. они являются межпарадигмальными в том смысле, что и реализм, и либерализм, и радикализм не могут обойти вниманием проблемы, составляющие содержание этих теорий. В то же время каждая из парадигм придает им свое содержание и, кроме того, отдает приоритет той или иной из указанных теорий. Теории парадигмального типа более тесно «привязаны» к той или иной парадигме, играющей для них роль методологии. Это, например, реалистские теории баланса сил, баланса угроз, зрелой анархии, конфликта цивилизаций и т.п. Это либеральные теории взаимозависимости, демократического мира, гуманитарной интервенции, международных режимов и др. Это, также, радикалистские теории зависимости, несимметричной взаимозависимости, антигегемонического блока.

Наконец, теория в узком прикладном смысле – это «одно из возможных объяснений наблюдаемых явлений, представляющее собой некоторое множество логически указанных между собой допущений и пропозиций (суждений)». Примером здесь может служить теория системного моделирования М. Каплана.

Являясь общей для международно-политической науки, МО и МП и то же время представляет собой одну из социальных теорий (и в этом смысле частную теорию по отношению к ним) и теорию среднего уровня по отношению к парадигмальным теориям, которые в таком случае будут играть роль частных теорий в связке с МО и МП. Поэтому иногда различают элементарные частные теории и частные теории среднего уровня.

В социальных науках, с точки зрения швейцарского ученого Ф. Брайара (Ph. Braillard), могут быть выделены три основных типа теорий. Во-

первых, это эссенциалистские теории. Их основная цель состоит в том, чтобы выявлять сущность своего объекта путем философской рефлексии или интуитивного понимания. Такие теории называют нормативными, поскольку они направлены на то, чтобы показать, какая из форм социальной организации является наилучшей и из каких ценностей и правил следует исходить в целях ее достижения. В онтологическом плане нормативно-эссенциалистские теории отдают предпочтение должному перед сущим, а в плане методологии опираются на интуитивизм и нацеливают научный поиск на дедуктивные методы доказательства формулируемых гипотез.

Второй тип – это эмпирически ориентированные социальные теории. Они стремятся выстроить логически строгую совокупность положений, которые поддаются верификации или фальсификации путем сопоставления с фактами. Цель такой теории – не обнаружение сущности вещей, а объяснение данных, получаемых опытным путем. В них используется преимущественно индуктивный метод, включающий наблюдение и эксперимент с последующим обобщением полученных данных, формулирование гипотезы и попытки ее опытной проверки (верификации) с целью найти доказательство или опровержение выдвинутым положением. Иначе говоря, в методологическом плане они направлены на поиск, описание и классификацию эмпирических данных, их соотнесение с реальными социальными процессами, взаимодействиями и поведением, прогнозирование на этой основе будущих событий.

К третьему типу относят теории-доктрины, примером которых является марксизм. Они рассматривают общество как целостность, стремятся вскрыть его структурные противоречия и выявить объективный смысл, сформулировать законы его развития. Их методологическая роль не ограничивается тем, чтобы служить инструментом познания, т.к. вместе с этим (а часто и главным образом) они преследуют своей целью изменить социальную реальность или, иначе говоря, служить руководством к действию. В МО и МП подобный пример являет собой теория демократического общества и основанная на ней стратегия смены политических режимов, особенно популярная в США в первой половине 2000-х гг. такие теории довольно близки к теориям первого из названных типов, поскольку подобно им исходят не только из того, что и каким образом существует, сколько из того, что и как, с точки зрения их сторонников, должно быть.

Строго говоря, несмотря на претензии ряда из них отделить наблюдения и анализ от ценностей, любая теория международных отношений является нормативной, поскольку все они явно или скрыто

содержат в себе идею желаемых целей мировой политики – будь то достижение / сохранение баланса сил или же переход к состоянию вечного мира, основанного на едином понимании содержания демократических ценностей и личных свобод.

В то же время следует отметить, что сам термин «нормативность» может пониматься неодинаково. Иногда его содержание сужается по сравнению с уже показанной выше трактовкой и ограничивается вопросами моральности международного применения силы, распространения прав человека и пределов использования суверенитета. В других случаях о нормативных теориях говорят тогда, когда хотят противопоставить их эмпирическим теориям, базирующимся на опыте и здравом смысле. Нормативный политический анализ, с такой точки зрения, это исследование конкретных политических реалий, основанный на уже имеющемся теоретическом знании.

Как теоретические, так и прикладные исследования предполагают использование таких понятий, как переменные – поддающиеся проверке эмпирические факторы или признаки. Зависимые переменные – это факторы и признаки, которые изменяются под влиянием других факторов и признаков, рассматриваемых в таком контексте как независимые переменные. Промежуточные переменные опосредствуют влияние первых на вторые. Так, например, внешняя политика государства как зависимая (объясняемая) переменная может исследоваться на основе экзогенных или эндогенных теорий. При этом экзогенная теория будет исходить из предположения (независимой переменной) в соответствии с которым внешняя политика определяется состоянием международной системы (например, степенью ее стабильности) и стратегическим положением, которое занимает в ней данное государство. Напротив, эндогенная теория в качестве независимой (объясняющей) переменной будет оперировать внутренними факторами (например, тип режима и его идеологии, уровень образования в обществе, национальные традиции и т.п.). В обоих случаях в целях углубления анализа в качестве промежуточной или вмешивающейся переменной может использоваться изучение особенностей процесса принятия внешнеполитических решений, свойственных данному государству. В свою очередь, объяснение специфики принятия внешнеполитических решений (в качестве зависимой переменной) можно искать в индивидуальных особенностях соответствующих лиц – высших государственных деятелей или руководителей, непосредственно отвечающих за иностранные дела (образование, черты характера, склонных к агрессии...). Но их можно искать и в таких зависимых переменных, как существующие в

данном обществе традиции, присущие ему ценности, коллективные восприятия, касающиеся внешнего мира и т.п. общей промежуточной переменной может стать исследование ролевого поведения принимающих решения лиц, на которое влияют и личные особенности, и социальные установки. Таким образом, промежуточная переменная – это та совокупность факторов, которая может влиять на независимую (объясняющую) переменную и обуславливать ее воздействие на зависимую (объясняемую) переменную.

Из вышесказанного становится ясным и то особое место, которое в международно-политическом анализе занимает гипотеза, под которой имеется в виду основанное на предыдущем знании предварительное предположение (вывод) о взаимосвязи исследуемых переменных. Действительно, использование тех или иных методов связано не только с качеством отбора и структурирования эмпирического материала. Оно зависит и от гипотез, которые формулирует исследователь, от его установок, квалификации и предпочтений (в т.ч. идеологических). В этом убеждают, в частности, содержание и характер споров между представителями конкурирующих подходов к исследованию международных отношений и мировой политики.

Как известно, в социальных дисциплинах сосуществуют и конкурируют друг с другом два наиболее общих методологических подхода: позитивистский с его стремлением к универсальному и бесспорному знанию о законах общественного развития, которое было бы подобно естественным наукам, и историко-логический, настаивающий на специфике социального и его несводимости к явлениям физического, биологического или механического типа.

Истоки позитивизма в политической науке неотделимы от Чикагской школы, первое поколение которой во главе с такими учеными, как Ч. Мерриам, Г. Госнелл и Г. Лассуэлл, получило известность в 1920-1930-е гг. благодаря своему вкладу в развитие эмпирических исследований и формирование модернистского направления. В изучении международных отношений данный подход находит свое применение после Второй мировой войны в работах М. Каплана и Ф. Шумана и других американских исследователей. Они стремились обнаружить единообразие и повторяемость в политическом поведении путем систематического отбора и регистрации эмпирических данных, поддающихся квалификации и точным количественным измерениям. Результаты таких операций должны были использоваться для проверки обоснованности теоретических обобщений. При этом ценностные суждения, вопросы философского характера, этические

оценки должны были считаться аналитически отличными от процесса эмпирической экспертизы и выводиться тем самым за рамки науки.

Хотя в конце 1950-х гг. «издержки гиперфактуализма» в политологии, казалось, были преодолены, дискуссия получила продолжение во второй половине 1960-х гг. в теории международных отношений. Здесь она стала известна как спор традиционалистов (Э. Карр, Г. Моргентау, Р. Арон, М. Уайт, Х. Булл) и модернистов (М. Каплан, О. Моргенстерн, Т. Шеллинг, К. Дейч, Л. Ричардсон, К. Боулдинг, А. Рапопорт) или Второй большой спор. Характеризуя эту дискуссию, один из ее инициаторов Х. Булл противопоставляет классический подход – основные положения которого ввиду несводимой сущности общественных явлений могут иметь не более чем гипотетический, а не окончательный статус, - подходу, названному им научным. Сторонники научного подхода стремятся к такой теории международных отношений, положения которой основывались бы на математических доказательствах или на строгих процедурах эмпирической верификации. С точки зрения Х. Булла, научный подход является вредным в той мере, в которой он противопоставляет себя классическому и даже стремится вытеснить его. Булл выдвигает в доказательство этого вывода семь положений.

Во-первых, целый ряд центральных вопросов международных отношений носит, по крайней мере отчасти, моральный характер, поэтому на них невозможно дать объективные ответы. Они могут исследоваться, проясняться, переформулироваться и находить лишь временное решение, исходя из более или менее произвольной позиции, основанной на философском методе. Другие вопросы являются эмпирическими, но имеют настолько неуловимую природу, что любой ответ на них всегда будет неполным и станет лишь одной из гипотез, верификация которых всегда будет нуждаться в продолжении, не оставляя строгой научной возможности сказать, является ли данный феномен именно таким или нет. Так, например, какое место в международных отношениях занимает война? Имеют ли государства право на вмешательство во внутренние дела друг друга и при каких обстоятельствах? Это примеры типичных вопросов, касающихся самих основ международной теории. Но «научники» отказываются от средств, которые позволяют их осмыслить.

Во-вторых, когда сторонникам модернизма удастся уловить суть предмета, то это происходит лишь на пути выхода за его рамки и использования классической методологии. Достойные внимания выводы, к которым они приходят в своих работах, могут быть получены совершенно независимо от их методов.

В-третьих, некоторые из представителей научного подхода готовы допустить, что при применении строгих методов они добиваются искомых результатов только в анализе периферийной проблематики. Но они утверждают, что судить надо не по сегодняшним результатам, а по долгосрочным перспективам, когда в МО и МП будет накоплен солидный фундамент прикладного знания. На самом же деле, утверждает Булл, трудности модернизма связаны не с тем, что международная теория пока еще является «отсталой» в научном отношении. Они проистекают из неотъемлемых характеристик ее объекта, его сопротивления любому контролируемому эксперименту, его способности изменяться на глазах и «протекать между пальцами», когда его пытаются разложить по полочкам.

В-четвертых, адепты научного подхода выдают за теорию конструирование так называемых моделей и манипулирование ими. Тем самым они произвольно упрощают действительность. Строго говоря моделирование есть дедуктивный синтез аксиом и теорем. Однако насколько полезным оно показало себя в экономической науке и в других дисциплинах, настолько малоэффективным стоит признать его применение в теории международных отношений. Здесь Х. Булл приводит пример системного моделирования М. Каплана, утверждая, что на самом деле это не более чем общее место, выведенное из каждодневных споров о международных отношениях и об общей политической структуре, которую мир имел или мог бы иметь.

В-пятых, важным недостатком сторонников научной точности является фетишизм измерения, стремление выразить сами теории в форме математических уравнений или же доказательств, собранных в количественном виде. Оно приводит к игнорированию важных различий между исследуемыми феноменами, приписыванию значения тому, что такового не имеет, или же к отходу на пути пересчитывания тех или иных феноменов от качественных исследований, которые чаще всего являются более плодотворными.

В-шестых, та степень точности и строгости, которую допускает объект международной теории, легко достигается в рамках классического подхода. Она характерна, например, для таких его представителей, как Р. Арон, К. Уола или Ст. Хоффман.

Наконец, седьмой аргумент Х. Булла состоит в том, что приверженцы модернизма проявляют одновременно высокомерие и наивность, отрезая себя от истории и философии. Их мысль характеризуется отсутствием критики по отношению к своим гипотезам и особенно по отношению к моральным и

политическим позициям, которые занимают центральное, хотя и не признаваемое, положение в большинстве их работ.

Х. Булл делает вывод, что студент, для которого изучение международной политики сводится только к использованию методов системных технологий, теории игр, симуляций или количественного анализа, будет попросту отрезан от самого предмета дисциплины и окажется не в состоянии понять перипетии ее объекта и сталкивающиеся в нем моральные дилеммы.

Отвечая на критику, Мортон Каплан высказывает убеждение, что между физическими и гуманитарными науками не существует никакой особой разницы, когда речь идет о потребности эмпирического подтверждения, и что наряду с эмпирическими исследованиями, системная теория международной политики требует использование моделей. Так, например, можно представить себе компьютер, связанный с системой банка информации, который получает от шпионов сведения о предстоящих действиях противника, анализирует их с учетом предыдущих действий и выстраивает модели его будущего поведения, исходя из которых могут приниматься решения о мерах по их предотвращению.

То же может быть сказано о решениях в медицине и в политике. Международно-политическая система может изменяться в результате использования силы, перераспределения ресурсов или посредством вербального убеждения. В результате ее функционирование может стать радикально отличным по сравнению с первоначальным состоянием, например, до того, как в нее была введена новая информация. Но вполне сходный тип изменений происходит и в характерном поведении человеческого организма, когда в его физиологическую систему путем инъекции вводится какой-либо медицинский препарат. Принципиальной разницы здесь нет, настаивает М. Каплан.

Еще один пример, который он приводит в защиту правомерности использования, естественно-научной методологии в исследовании международной политики, касается функционирования автопилота. Оно, конечно, отличается от целеполагания, свойственного человеку в двух важных отношениях: отсутствие сознания и простота системы. В то же время здесь есть и много общего, поэтому как то, так и другое вполне могут изучаться научными методами. Никто не утверждает, что международные системы могут быть изучены при помощи физических процедур. Физические уравнения не обладают для этого достаточной объяснительной возможностью. Для изучения специфических систем, к которым принадлежат и международные, должны быть разработаны специальные

теории. Они могут отличаться от естественно-научных теорий по своим объяснениям и исследовательским средствам, но они тоже составляют часть общего арсенала науки.

Современная наука, пишет Каплан, настаивает на гипотетическом характере любого эмпирического знания. Критерий коммуникабельного знания зависит от его репродуктивности, даже если это не более чем только один принцип. Поэтому между тем, что является физическим, и тем, что является человеческим, нет разницы в степени, на которую способно теоретическое знание, для которого всегда необходимо убеждение в его применимости и всегда будут оставаться возможности для уточнения.

Наконец, утверждает Каплан, отстаивая возможности естественно-научной методологии в изучении международных отношений, даже интуиция нуждается в использовании научных методов, чтобы подготовить основу для развития новых интуиций. Ньютон, например, не обладал интуицией Эйнштейна. Если интуиция Эйнштейна произвела общую и специальную теории относительности, то этому способствовало то, что она действовала внутри рамок предшествовавших открытий и исследований, например, неевклидовой геометрии и трансформаций Лоренца. Именно подобные открытия и исследования создали условия для появления тех интуитивных догадок, которые в итоге привели к созданию научной теории относительности.

В целом итоги Второго большого спора в международной теории, одним из проявлений которого стала полемика между Х. Буллом и М. Капланом, выявили как преимущества, так и недостатки обоих методологических подходов. Стало ясно, что традиционный, или классический, подход, опирающийся на философские обобщения, исторические аналогии, интуицию исследователя и тому подобное, нередко упускает из вида периферийные, с точки зрения общей картины мирового развития, детали, которые в перспективе могут оказать на нее существенное влияние. Так произошло, например, с той ролью, которую способны играть в международных отношениях внутригосударственные акторы и факторы – политические партии, институты гражданского общества, количественные показатели, касающиеся уровня образования населения, качества медицинского обслуживания и т.п. Недооценка возможностей эмпирического анализа международных реалий также нередко снижала качество международных исследований, проводимых на основе традиционной методологии.

С другой стороны, в ходе спора обнаружилось и то, что абсолютизация так называемой научной методологии вела к сосредоточению на

исчисляемых и поддающихся верификации или фальсификации сторонах международной политики в ущерб целостной картине мирового развития. А попытки «вывести за скобки» международно-политического анализа ценности, нормы, этические идеалы, идейные предпочтения самого исследователя и тому подобное и вовсе лишали модернистов понимания многих важных перипетий международной жизни.

Следует отметить, что в ходе дальнейшего развития ТМО и особенно в процессе Четвертого большого спора представители пост-модернизма и критических теорий обратили внимание на то, что как классическая, так и в еще больше мере научная методология сосредоточивали свое внимание на рациональном познании, на разделении эмпирических и нормативных исследованиях, уделяли недостаточное внимание их социокультурному и идейному контексту, зависимости мира от идей, восприятий и действий субъектов мировой политики.

Вместе с тем значение Второго большого спора состояло в том, что он отразил ту стадию в развитии международно-политической науки, которую прошла каждая социальная дисциплина. Тем самым он способствовал преодолению крайностей в понимании соотношения фундаментального и прикладного знания о международных отношениях и мировой политике. Это дискуссия о методологии способствовала обогащению ТМО прикладными методами и технологиями, показав возможность и важность эмпирических исследований.

Одним из важных результатов методологического спора в международно-политической науке для ее дальнейшего развития можно считать появление метода уровневого анализа, который стал своего рода компромиссом между «традиционным» и «научным» подходами к изучению международных отношений и мировой политики. Его основы можно найти и в работах сторонников научной строгости, эмпирически проверяемого знания (М. Каплан, Д. Сингер, Дж. Мангейм), и в трудах их оппонентов (А. Вендт, Н. Онуф, Дж. Рагги, П. Катценштейн и др.), которые настаивают на несводимой специфике явлений международной жизни, требующей принимать во внимание ценности, восприятия, нормы идей и предпочтений, плохо или вовсе не поддающиеся рационализации. Крупный вклад в уровневый анализ внес Кеннет Уолц.

В своей работе «Теория международной политики» (1979) он приходит к выводу, что все многообразие объяснений международной политики может быть сведено к трем основным типам. Первый из них исходит из природы и поведения человека как основы международных трансформаций (прежде всего речь идет о лицах, причастных к принятию внешнеполитических

решений). Второй связан с анализом особенностей государственного устройства (политическим режимом, отношениями между ветвями власти и т.п.). Однако сводить объяснения к одному из этих уровней или даже к ним обоим ошибочно, считает Уолц. На самом же деле, настаивает он, в ситуации стратегической взаимозависимости поведение государств объясняется не только внутренними причинами, например, психологическими и иными особенностями лидеров или спецификой внутригосударственных атрибутов, но и политикой других государств. Поэтому, если мы хотим попытаться предсказать такое поведение, мы должны учитывать особенности межгосударственной системы, специфику и конфигурацию ее структуры. Иначе говоря, в поисках методологической строгости в изучении международной политики Уолц переносит объяснение происходящих в ней изменений на системный уровень. Отвергая редукционизм теорий, которые ограничивают объяснение международной политики первым уровнем анализа – человеческой природой или личностью принимающих решения лидеров, или же не выходят за рамки второго уровня – анализа таких атрибутов государств, как их географическое положение или внутривнутриполитический режим, Уолц располагает объяснение международной политики на третьем уровне – уровне международной системы.

Уровневый анализ позволяет концептуально отделить друг от друга разные сферы международной политики. Каждой из них свойственен свой категориальный аппарат: лица, принимающие решения; внутренние политические факторы; система государств. Каждая из этих сфер оказывает разное влияние на поведение государств на международной арене. Методологическое значение такого концептуального разделения состоит в том, что оно позволяет изучающему международные отношения сосредоточиться на каждой из групп причин в отдельности, с тем чтобы в последующем сопоставить результаты изучения разных сфер мирового политического процесса, отделить более важные факторы от менее существенных и найти причинно-следственные связи в кажущихся на первый взгляд случайных событиях. Так, например, на индивидуальном уровне могут быть исследованы роль идеологий, идеи и психологические особенности политических лидеров; на уровне государственных бюрократических структур принятия решений и процедур выработки внешнеполитических стратегий могут быть проанализированы группы интересов; а на системном уровне может быть принято во внимание распределение власти среди государств и его воздействие на их международную политику.

Достоинства уровневого анализа привлекают к нему множество сторонников. Сегодня эту методологию в той или иной мере использует большинство исследователей международных отношений и мировой политики. Вместе с тем критики отмечают и ее несовершенства. Так, например, следует ли ограничивать анализ только тремя уровнями или их может быть больше? С какого из них следует начинать изучение? Где заканчивается один из уровней и начинается другой? Наконец, что следует понимать под международной системой, ее элементами и структурой? Кроме того, если считать элементами только государства, то существует риск свести международные отношения к межгосударственным. Расширение же этих элементов за счет всех типов акторов грозит подрывом самой сути системного подхода: он теряет свою эвристическую ценность, если нарастание в системе количества и типов элементов превышает какие-то пределы.

При всех своих достоинствах и недостатках уровеньный анализ является своего рода компромиссом, средним путем между эмпирическими и нормативными формальными и логико-интуитивными методами и исследовательскими методиками. Различия между ними остаются, и это вполне нормально. Важно иметь в виду их взаимодополняемость и вытекающую из этого необходимость правильно оценивать как сильные, так и слабые стороны каждого из них, с тем чтобы избегать «синдрома Пигмалиона», связанного с абсолютизацией одного из методов или исследовательских методик.

Важно и то, что метод уровневого анализа направлен на объяснение (хотя, по мнению критиков, в конечном счете ему не удастся отвечать этой задаче). Но объяснение всегда остается неполным, поэтому оно должно дополняться пониманием. Это означает, что при всех своих достоинствах метод уровневого анализа не может рассматриваться как исчерпывающий и тем более как единственно верный. Как и то, что его использование не избавляет от необходимости обращения к интуиции, историческим аналогиям и тому подобным, традиционным общенаучным методам. Данное замечание касается и методов формализации, в т.ч. моделирования и квантификации, т.е. количественного анализа.

Методы моделирования и формализации в изучении международных отношений и мировой политики распространяются с 1950–1960-х гг. использование моделирования высвечивает, в частности, ту неустранимую роль, которую играют в международно-политическом анализе такие общенаучные методы, как изучение примеров и сравнение. Особое значение принадлежит историческим примерам, подбор которых имеет целью дать

максимум информации о конкретном наблюдаемом феномене, показать его уникальность либо, наоборот, сходство с уже имевшими место событиями и явлениями прошлого. Так, чтобы показать особенности международной среды в качестве независимой переменной, объясняющей перипетии внешней политики, американские исследователи Гарольд и Маргарет Спроут прибегают к историческому сравнению: персидский царь Дарий и Александр Македонский не имели возможности уладить свои разногласия по телефону, подобно тому, как это произошло в период Кубинского кризиса между СССР и США в 1962 г. Осмысливая возможности формирования российской международной теории, А.П. Цыганков прибегает к широкому сопоставлению исторических традиций и современного состояния политических исследований в нашей стране. Значительное место в ТМО уделяется и примерам из экономической науки. Для Арона исходным пунктом рассуждений о ТМО стала экономическая теория Дж. Кейнса. В то же время К. Уолц сравнивает конфигурацию структуры международной системы с ситуацией в экономике, утверждая, что подобно тому, как олигополистические предприятия и фирмы, заинтересованные в максимальной прибыли, в конечном итоге способствуют региональному функционированию рынка и выработке общих правил поведения для всех его участников, так и стратегии великих держав, стремящихся сохранить баланс сил, организуют международную систему, снижая тем самым степень анархичности мировой политики.

Иначе говоря, сравнение – это одновременно отождествление и дифференциация факторов или событий, исследование присущей им специфики и вместе с тем той степени сходства, которой они обладают. Оно дает возможность группировать явления одного порядка с целью их обобщения и получения общих выводов, общих принципов, касающихся их содержания и функционирования. При этом сравнение не доказывает ту или иную гипотезу, а лишь служит аргументом в пользу ее правдоподобности. Это важно для понимания той роли, которую играет в изучении международных отношений метод моделирования.

Под моделью понимается логическая или физическая конструкция, призванная уловить главные отношения, существующие в изучаемом феномене и определяющие его сущность. Моделирование относится к формальным методам, т.к. оно игнорирует большое количество деталей, которые составляют особенности изучаемых переменных. В МО и МП это, как правило, создание идеального объекта, ситуации, элементы (отношения) которых соответствуют элементам (отношениям) международных взаимодействий. Модель разрабатывается на основе простого, абстрактного

описания определенного аспекта реального мира, из которого логическим путем выводится набор утверждений. Так, например, имитационные игры с применением компьютерных технологий, начав с самой простой и самой правдоподобной модели объяснения текущих событий, исследуют как эта модель подходит к подобранным ранее историческим примерам. Путем проб и ошибок, изменяя параметры исходной модели, добавляя ранее упущенные факторы, учитывая культурно-исторические ценности, можно постепенно продвигаться к достижению все большего соответствия этой – уже новой – модели международно-политических реалий. На следующем этапе на основе сравнения этих двух моделей можно выдвигать обоснованные гипотезы относительно вероятного развития наблюдаемых событий в будущем, т.е. прогнозировать их.

Различают модели статические, которые отражают наличное состояние объекта, и динамические, прослеживающие процессы его изменения во времени. При этом динамические модели обладают более высоким прогнозным потенциалом, хотя их построение сталкивается и со значительно большими трудностями.

В период холодной войны для анализа таких проблем, как гонка вооружений между супердержавами, сдерживание путем ядерного устрашения и балансирование на грани войны, контроль над вооружениями, торговые переговоры и сотрудничество между государствами, использовались прогностические модели, основанные на теории игр.

Например, игра с одним игроком представляет собой модель рационального действия в среде непредсказуемых событий и используется в качестве сравнения изучаемой ситуации с наиболее ранними этапами в истории международных отношений – этапами так называемого естественного состояния. Игра между несколькими (минимум двумя) игроками исходит из взаимозависимых решений. Это модель, в которой рискованная ситуация касается всех, а непредсказуемость для каждого игрока вытекает из решений другого. Ее задача – найти решения для нескольких международных ситуаций, т.е. обосновать лучшие возможности для каждого игрока. Рискованная ситуация находит свое решение, если удастся устранить ее рискованный характер: если оба играют хорошо, то ни один не может улучшить свой результат сверх того, что позволяют правила игры. Однако такие решения существуют не всегда. Ситуации, в которых отсутствуют возможности согласованных решений и действий участников, исследуются при помощи модели, известной как «дилемма заключенных» - одного из вариантов игры с нулевой суммой.

Игра с нулевой суммой – это модель конфликтной ситуации, в которой интересы сторон полностью противоположны, и поэтому выигрыш одной из них неизбежно влечет за собой проигрыш другой; в итоге сумма выигрышей и проигрышей всегда остается постоянной. Напротив, игра с положительной суммой отражает ситуацию взаимной выгоды от сотрудничества в конкурентной среде, в результате которого выигрывают обе стороны. В свою очередь, в игре с изменяющейся суммой, потери и выигрыши распределены между игроками сложным образом. Мировая политика все же далека от нередко используемого сравнения ее с шахматной игрой. Поэтому, считает Т. Шеллинг – один из специалистов в области игрового моделирования международных ситуаций, наиболее подходящими здесь являются модели, основанные на игре «несовершенного соотношения предпочтений», отражающей сочетание конфликта и взаимной зависимости.

Главное в теории игр состоит в том, что международные акторы рассматриваются как рациональные игроки: каждый из них исходит в своей политике из собственных интересов и в то же время учитывает то, что, по его мнению, будут делать другие.

Как подчеркивает М. А. Хрусталева, преимуществом моделирования является то, что оно «снимает» недостатки, которые присущи логико-интуитивным, например, экспертным методам (таким, как опросы, анкетирование, ситуационный анализ и т.п.), с характерным для них субъективизмом, идеологической заданностью, стереотипизацией и т.п. В то же время моделирование, в свою очередь, не свободно от недостатков, которые связаны не только с современным, все еще несовершенным, этапом разработки данного метода. Дело в том, что оно не отвечает на вопросы, связанные с тем, на основе каких критериев создаются подобные модели, какова мера их строгости и логичности, как они соотносятся с основными типами поведения международных акторов, которые были сформулированы ранее? То есть, говоря словами Х. Булла, вопросы вызывает техника построения моделей. Не случайно М. Хрусталева подчеркивает, что в обозримом будущем моделирование вряд ли способно полностью вытеснить логико-интуитивный метод.

Моделирование и в целом формальные методы дедуктивны: они используют логику, чтобы вывести суждения о тех или иных конкретных международных явлениях и процессах. Что касается количественных методов, то они носят индуктивный характер. Начиная с анализа имеющихся данных, используя правила статистического вывода, они предлагают статистические вероятности относительно корреляции частных событий. Еще больше, чем системный подход, формальные методы нацелены на

объяснение, а не на понимание. Количественные же методы дают сведения относительно совпадений в изменении тех или иных факторов или в последовательности событий международной жизни. Но они не объясняют их причинно-следственную обусловленность, ставя задачей прогнозирование.

Всякая дисциплина, претендующая на научное познание своего объекта, в конечном счете зарождается, выживает и развивается в том случае, если в ней существует потребность. В свою очередь, такая потребность опосредованно или непосредственно связана с практическими целями, например, с поисками ответов на вопросы, касающиеся международных отношений и мировой политики. В каком направлении будет развиваться тот или иной международно-политический процесс? Можно ли предотвратить нежелательный ход событий? Направить их в нужное русло, отвечающее интересам конкретных политических сил? Ответы на подобные вопросы связаны с необходимостью использования методологии и методов политического анализа и прогнозирования.

При этом как теоретические подходы, так и используемые методы не могут не влиять на результаты исследования. Международные теории и, следовательно, методологии и методы в МО и МП не могут быть сугубо объективными или строго нейтральными. Содержание теорий и направленность методологий зависит от социокультурного контекста, в котором находится исследователь, от его осознанного или неосознанного интереса и системы ценностей. Поэтому задача исследователей международных отношений состоит в том, чтобы критически относиться к различным теориям и методологиям и одновременно иметь в виду достоинства каждой из них.

РАЗДЕЛ III. Международная напряженность в Европе возрастает

Современную международную ситуацию в Европе многие аналитики определяют как постоянно усложняющуюся: причинами этого процесса считаются кризис Европейского Союза, разногласия о векторах внешней политики государств континента, плохие отношения с Россией.

Состоявшийся 23 июня 2016 г. референдум о членстве Соединенного Королевства в Европейском Союзе стал не только одним из ключевых моментов в новейшей истории, но и ярким свидетельством того, насколько труднопредсказуемыми становятся международные отношения в стремительно меняющемся современном мире. Европейский интеграционный проект, который несколько десятилетий считался образцовым, впервые столкнулся с ситуацией, когда страна не стремится пополнить число участников привилегированного клуба, а намерена покинуть, казалось бы, нерушимый и чрезвычайно привлекательный союз европейских государств. Но проблема заключалась не только в колоссальном имиджевом ущербе для ЕС. Результат волеизъявления британцев стал еще одним свидетельством современных серьезных трансформаций, бесконечной череды новых вызовов, на которые действующие политики реагируют с очевидным опозданием и явными ошибками.

Итоги референдума заставили британцев серьезно задуматься о пределах интеграции и необходимости серьезных институциональных реформ в ЕС. Активизировались споры о том, стоит ли стремиться к увеличению гибкости внутри союза или же сделать ставку на максимальную консолидацию государств-членов. Вновь вспомнили и о росте в последние годы евроскептических настроений.

Референдум о членстве Соединенного Королевства в ЕС придал новый импульс дискуссии о том, насколько инструменты прямой демократии применимы в стране, исторически развивавшейся, как классический образец представительного правления. Особую актуальность приобрели идеи о кризисе традиционной «вестминстерской» модели государственного управления и распространения в новых исторических условиях так называемой «мониторной демократии», выдвинутые еще в 2009 г. основателем центра по изучению демократии британским профессором Джоном Кином. Активное использование в последних политических и агитационных кампаниях новейших цифровых технологий, интернета, электронных средств массовой информации, социальных сетей не только

трансформировало их содержание, но и стало важнейшими факторами, определяющими итоговый результат. Постоянное расширение и усложнение инструментов и механизмов влияния развивающейся «мониторинговой демократии» на традиционные правящие элиты, вне всякого сомнения, требует серьезной модернизации существующих государственных институтов и политических практик.

Следует также напомнить, что решение Великобритании покинуть ЕС было принято в условиях пробуксовки и даже заморозки важных и давно назревших конституционных реформ, инициированных в конце прошлого века «новыми лейбористами». Попытка изменения избирательной системы провалилась. Реформирование Палаты лордов, после исключения из ее состава в 1999 г. наследственных пэров, не продвинулось ни на шаг. Расширение полномочий властей в Шотландии, Уэльсе и Северной Ирландии не привело к снижению националистических настроений в провинциях и устранению опасности их выхода из состава Соединенного Королевства. Не случайно на референдуме о членстве в ЕС жители Шотландии и Северной Ирландии высказались за то, чтобы остаться в составе союза, рассчитывая на поддержку с его стороны в деле отстаивания их региональных интересов.

Помимо вышеуказанных проблем, решение о Брексите означало включение в повестку дня целого комплекса новых сложных вопросов конституционно-правового, финансово-экономического и социально-гуманитарного характера. Властям в Лондоне и Брюсселе предстояло обсудить и решить, как они будут взаимодействовать в новых исторических условиях, что, в свою очередь, должно было повлиять как на дальнейшее развитие европейского интеграционного проекта, так и на то, каким образом Соединенное Королевство сумеет перестроить свою внутреннюю и внешнюю политику. В рамках предстоящего переговорного процесса стороны должны были не только определить свои стратегические цели, но и найти сбалансированные эффективные пути, средства и механизмы их достижения, сформировать достойные команды переговорщиков, способные выработать взаимоприемлемые условия итогового соглашения.

Разработка принципиальных подходов по предстоящему Брекситу началась в непростых условиях. Лидерам ЕС важно было минимизировать репутационные потери, вызванные итогами британского референдума, продемонстрировать единство остающихся в составе союза государств, купировать потенциально возможные центробежные тенденции, показать, насколько существенными будут потери для тех, кто решит покинуть европейский интеграционный проект. Определенные сомнения в том, достижимы ли эти задачи, были связаны с хроническими проблемами ЕС –

ростом популизма и евроскептицизма в условиях волн кризисов (экономического, долгового, миграционного и т.д.) и роста террористической угрозы; неспособностью европейской элиты в полной мере донести до граждан ключевые идеи и цели интеграции, а также принципы их реализации; сложными отношениями между старыми и новыми членами союза; необходимостью проведения институциональной реформы; сомнениями в эффективности и компетентности европейской бюрократии.

Ситуация в Соединенном Королевстве выглядит еще более сложной. Основные политические силы страны и общество, как показали итоги референдума, были расколоты. Премьер-министр Д. Кэмерон, выступавший за сохранение членства своей страны в ЕС, подал в отставку, но, несмотря на это, консерваторы смогли избежать масштабного политического кризиса, сохранили власть в своих руках и не допустили прихода к руководству партией радикальных евроскептиков. Лидером тори и новым премьер-министром стала, имевшая большой опыт работы в Кабинете и занимавшая центристские позиции, Тереза Мэй. В ходе агитационной кампании перед референдумом она дисциплинированно, но крайне осторожно высказывалась вслед за Д. Кэмероном в пользу сохранения членства в ЕС. Однако же в качестве главы правительства первым делом решительно заявила: «Брекзит означает Брекзит, и мы добьемся успеха». Таким образом, избирателям и европейским партнерам был послан четкий сигнал, что никакого пересмотра итогов плебисцита не будет.

Роль своеобразного штаба по разработке стратегии Брекзита в новом Кабинете отводилась двум новым департаментам – Министерству по выходу из Евросоюза, которое возглавил Дэвид Дэвис и Министерству международной торговли под руководством Лиамы Фокса. Важную роль в этом процессе играл недавний соперник Т. Мэй в борьбе за лидерство и один из лидеров группы евроскептиков в Консервативной партии – Борис Джонсон, который стал министром по иностранным делам и делам Содружества. Очевидно, что премьер-министр стремилась при назначении министров не только соблюсти баланс интересов различных фракций тори и укрепить единство своей партии, но и дать понять Брюсселю, в каком направлении будет разрабатываться британская стратегия по Брекзиту.

Одновременно с этим, Т. Мэй не спешила инициировать реализацию 50-й статьи Лиссабонского договора, написанной, как известно, по иронии судьбы, британским дипломатом лордом Кинлохардским. Во время своего первого зарубежного визита в Берлин и переговоров с Ангелой Меркель, она объяснила это как стремление выработать «разумные и упорядоченные условия выхода из ЕС». Представляется, что существовал и ряд других

причин, оправдывающих такую осторожную позицию. В частности, премьер-министр не могла не учитывать тот факт, что в Палате общин большинство депутатов были сторонниками дальнейшего участия в европейской интеграции. Накануне проведения референдума 479 народных избранников заявили о том, что выступают против выхода из ЕС, в то время как последовательными сторонниками Брекзита оказались всего 158 депутатов. Следовательно, Кабинету необходимо было подготовить такую стратегию, которая не вызвала бы решительного неприятия со стороны парламентариев.

Кроме того, как уже упоминалось, избиратели в Шотландии и Северной Ирландии на референдуме проголосовали за то, чтобы остаться в Евросоюзе, поэтому в первой провинции националисты заявили о стремлении провести повторный референдум о независимости, а во второй серьезную озабоченность вызывала перспектива закрытия границы с Республикой Ирландия. Наконец, задержка была вызвана и необходимостью преодолевать неожиданную преграду. В начале 2017 г. в Верховном суде группа британских общественников смогла добиться вердикта, в соответствии с которым Правительству необходимо получить согласие Парламента на направление в Брюссель уведомления о выходе из Евросоюза. Кабинету в спешном порядке пришлось готовить соответствующий законопроект, который с большим трудом, преодолевая жесткое сопротивление обеих палат, удалось провести лишь к середине марта 2017 г. Несмотря на все вышесказанное, действия лидеров консерваторов в тот период представлялись в целом вполне разумными и обоснованными. Они не торопили события, осознавая всю сложность проблемы выработки сбалансированного плана дальнейших действий в условиях очевидного раскола по всем направлениям – в обществе, регионального, межпартийного и внутрипартийного.

В подготовленной правительством белой книге «Выход Соединенного Королевства из ЕС и новое партнерство с ним» определялись 12 приоритетов, ключевыми из которых были: выход из единого рынка и таможенного союза, введение новой системы миграционного контроля, а также отказ от признания юрисдикции Европейского суда. В Брюссель было отправлено официальное письмо, в котором говорилось о запуске 50-й статьи Лиссабонского договора и отмечалось, что, если не будет заключено новое соглашение о торговле между Великобританией и Евросоюзом, она будет вестись по правилам Всемирной торговой организации. Таким образом, в этот период времени кабинет Т. Мэй сделал ставку на жесткий вариант Брекзита. Вместе с тем, если внимательно изучить содержание этого документа, то станет очевидно, что все его положения были крайне

расплывчатыми и лишены какой-либо конкретики. Кроме того, в нем не определена очередность заключения новых соглашений, а также не было ни слова о том, при помощи каких инструментов и механизмов они будут реализовываться. Консервативное Правительство явно надеялось, что переговоры по условиям выхода из европейского интеграционного проекта и по принципам новых взаимоотношений с ЕС будут проходить параллельно.

Ответ Брюсселя на британский план был одобрен на саммите 29 апреля 2017 г., причем лидерам стран-членов потребовалось всего 15 минут для его утверждения. Стратегия ЕС также оказалась максимально жесткой. Во-первых, в ней были четко определены стадии и порядок рассмотрения вопросов в рамках переговорного процесса, что лишало Лондона возможности маневра, в том числе надежды добиваться заключения нового торгового соглашения между сторонами до окончания Брекзита. Отдельно подчеркивалась недопустимость ведения сепаратных переговоров. Во-вторых, в качестве ключевых вопросов, предлагавшихся к обсуждению на первой стадии, были зафиксированы: выплата 60 млрд евро в счет выполнения финансовых обязательств Соединенного Королевства по отношению к ЕС, гарантия соблюдения права граждан Евросоюза и членов их семей, проживающих в Великобритании, а также сохранение свободного перемещения людей, товаров, услуг и капиталов между Северной Ирландией и Республикой Ирландия.

Взаимная ставка на предельно жесткие стратегии в начальной стадии предстоящих почти двухлетних переговоров, на первый взгляд была вполне логичным шагом. Такой подход открывал возможности для маневрирования, поиска потенциальных точек соприкосновения интересов сторон, выявления принципиальных и менее значимых вопросов, попыток выработки компромиссных решений. Не следует забывать и то обстоятельство, что для Соединенного Королевства в новых исторических условиях важно было продемонстрировать своим гражданам и всему миру перспективы роста своего влияния. Ведь не случайно один из самых принципиальных и последовательных сторонников выхода страны из ЕС в рядах консерваторов Б. Джонсон уже на следующий день после референдума заявил: «Великобритания останется великой европейской державой». В свою очередь, Брюссель также стремился показать, что солидарность и сплоченность оставшихся в союзе стран не подлежат сомнению, права и свободы граждан будут надежно защищены, а неизбежные имиджевые, экономические и финансовые потери минимизированы.

Существенное влияние на переговоры о выходе Соединенного Королевства из европейского интеграционного проекта в этот период оказала

динамика политических процессов внутри страны. Опросы общественного мнения демонстрировали устойчивый рост рейтинга консерваторов по сравнению с лейбористами. Во-вторых, все более очевидной становилась тенденция повышения электоральной привлекательности двух ведущих политических партий и снижения поддержки гражданами третьих и малых партий. В-третьих, нельзя было сбрасывать со счетов и важную роль для британской системы государственного управления проблемы максимальной легитимности принимаемых решений.

Однако досрочные выборы в парламент не оправдали ожиданий тори. Их фракция потеряла абсолютное большинство в Палате общин. Из 650 мандатов в палате общин консерваторы получили 318, а их основные конкуренты – лейбористы – 262 места. Фракции шотландских националистов и либеральных демократов сократились соответственно до 35 и 12 депутатов. Отсутствие абсолютного большинства у тори и новое соотношение сил в нижней палате существенно осложняло перспективы реализации изначального плана жесткого Брекзита.

Итоги всеобщих парламентских выборов 2017 г. стали поводом для активизации противников выхода Соединенного Королевства из ЕС. В частности, с призывом провести повторный референдум по этому вопросу выступили бывший лидер «новых лейбористов» Тони Блэр и вице-премьер в кабинете Д. Кэмерона – Ник Клефф. Эти инициативы получили полную поддержку в Брюсселе. Руководители ЕС неоднократно заявляли, что если Великобритания передумает и решит не покидать интеграционный проект, то это будет правильным разрешением кризисной ситуации. Таким образом, новый расклад сил в Парламенте, общественное мнение, а также позиция партнеров по переговорному процессу уже на этой стадии вызывали серьезные сомнения в том, что стратегия жесткого Брекзита будет успешно реализована.

Первые раунды переговоров, начавшиеся в июне 2017 г., продемонстрировали, что представители Великобритании отказываются давать какие-либо гарантии, избегают четких обязательств, предлагают преимущественно декларативные и абсолютно размытые формулировки. Переговорщики со стороны ЕС неизменно стояли на своем, обвиняли противоположную сторону в неготовности вести конструктивный диалог, констатировали «отсутствие значительного прогресса» и заявляли о невозможности перехода к следующей стадии переговоров, в рамках которой Соединенному Королевству и ЕС предстояло выработать новые принципы взаимоотношений друг с другом. Такое развитие событий стало еще одним

фактором, поставившим перед кабинетом Т. Мэй вопрос о целесообразности следования стратегии жесткого Брекзита.

В этих непростых условиях Т. Мэй решилась на радикальную смену стратегии. Первым свидетельством возможного отказа правительства от варианта жесткого Брекзита стала ее программная речь 22 сентября 2017 г. во Флоренции. В ней глава кабинета предложила двухлетний переходный период после выхода Соединенного Королевства из ЕС, на протяжении которого будут соблюдаться все, прежде всего взятые, обязательства, а также постепенно выработаются новые принципы взаимоотношений. Последняя отчаянная попытка сохранить первоначальный план была предпринята в декабре 2017 г. на встрече премьер-министра с главой Европейской комиссии. Однако Брюссель по-прежнему не собирался уступать. «Тереза Мэй энергично и настойчиво защищала английские интересы, - заявил по итогам встречи Ж.-К. Юнкер, - я делал то же в отношении общеевропейских». В итоге для того, чтобы перейти ко второй стадии переговорного процесса, британская сторона в декабре 2017 г. приняла все требования Брюсселя, выдвинутые на первом этапе. Великобритания согласилась выполнить в полном объеме финансовые обязательства перед ЕС, гарантировать соблюдения прав его граждан на своей территории, а также сохранить прежде пограничный режим с Ирландией. Первые семь месяцев напряженного диалога завершились триумфом команды еврокомиссии во главе с М. Барнье, однако теперь предстоял не менее напряженный этап, в рамках которого стороны должны были согласовать новые принципы взаимоотношений в сфере торговли, безопасности, обороны, внешней политики и, самое главное, подготовить проект соглашения для последующего его утверждения Европарламентом и британскими законодателями.

Важным предвестником готовящейся смены стратегии по Брекзиту стали перестановки в рядах исполнительной власти Великобритании. Согласно подсчетам лондонского Института исследований правительства, после всеобщих парламентских выборов 2017 г. и до 9 января 2018 г. на 71% обновился состав министров и их заместителей. При этом обращало на себя внимание то, что Т. Мэй последовательно и планомерно меняла сторонников жесткого Брекзита на преданных лично ей партийных функционеров и представителей так называемого «нового поколения талантов», многие из которых впервые получили высокие должности в Правительстве. Однако даже после такой подготовки премьер-министру потребовалось 12 часов для того, чтобы на специальном заседании Кабинета в загородной резиденции в

Чеккерсе убедить соратников в необходимости радикальной смены первоначальной стратегии.

Итогом всех этих драматичных событий стала публикация 12 июля 2018 г. новой белой книги – «Будущие взаимоотношения между Соединенным Королевством и Европейским союзом». Ключевым пунктом модернизированного плана стало намерение правительства Т. Мэй сохранить после выхода из ЕС свое участие в зоне свободной торговли сельскохозяйственными и промышленными товарами. Фактически это означало признание британскими властями невозможности найти после Брексита адекватную замену европейским партнерам как в экспортных, так и в импортных операциях. Вместе с тем в данном документе подтверждалось, что Великобритания выйдет из-под юрисдикции Европейского суда, а также, что она будет проводить независимую оборонную и внешнюю политику в тесной координации с ЕС и другими союзниками. Смена стратегии на существенно более мягкий вариант, как представляется, имела своей целью не только снизить остроту критики правительства внутри страны, но и обеспечить заключение соглашения с Брюсселем, не допустить самого нежелательного и затратного сценария – выхода из ЕС без сделки.

Вместе с тем отказ от жесткого Брексита вызвал крайне негативную реакцию евроскептиков внутри партии тори. Противниками «плана Чеккерс» оказались не менее 80 из 315 депутатов консервативной фракции в Палате общин. Более того, сразу после его одобрения два члена Кабинета – Б. Джонсон и Д. Дэвис в знак протеста подали в отставку. В адрес премьер-министра посыпались обвинения в игнорировании воли избирателей, высказанной на референдуме. Сторонники решительного разрыва с ЕС по всем направлениям стали обвинять Т. Мэй в том, что ее новая политика - это не что иное, как «Брексит только по названию», который в итоге превратит Соединенное Королевство в «колонию ЕС». Все чаще стали появляться сообщения о том, что тори-евроскептики готовятся инициировать процедуру оспаривания лидерства Т. Мэй в партии с целью смещения с занимаемой должности. Признаки полномасштабного политического кризиса становились все более очевидными.

Смена стратегии по Брекситу не привела к смягчению противостояния и на других уровнях. Оппозиция в лице Лейбористской партии не просто обрушилась с критикой на новый план консерваторов, но и открыто стала претендовать на то, чтобы сменить тори у руля государственного управления. Не сократилось и число граждан Соединенного Королевства, негативно оценивавших работу правительства по подготовке соглашения с ЕС. По данным опросов их количество составило 78% из всех опрошенных:

кроме того, работу премьер-министра посчитало неудовлетворительной 74% респондентов. Никуда не исчезло и противостояние между Лондоном и историческими провинциями страны.

Но самым тревожным на этом фоне стало то, что, несмотря на радикальную смену британской стратегии, не наблюдалось никакого прогресса в переговорном процессе. В Брюсселе весьма скептически отнеслись к идее участия Великобритании только в одной из четырех основ ЕС – свободе передвижения товаров при отказе от признания свободы передвижения капиталов, услуг и рабочей силы. Выступая в Европарламенте, Ж.-К. Юнкер заявил: «Мы просим британское правительство понять, что когда кто-либо покидает союз, он не может сохранять то же привилегированное положение, что и страна – член ЕС. Если вы покидаете союз, вы, конечно, более не являетесь участником нашего единого рынка и, тем более, не остаетесь в отдельных его частях, которые вы сами выбираете.

Возобновившиеся 19 июля 2018 г. переговоры сопровождались дежурными заявлениями о достигнутой «достаточной программе», но в действительности демонстрировали нарастание противоречий. Помимо вопроса о будущем свободной торговли, серьезные споры возникли в связи с тем, что стороны по-разному понимали содержащееся в новом британском плане обещание установить «мягкий пограничный режим» между Северной Ирландией и Республикой Ирландия.

Нарастающая угроза Брексита, без четко прописанных правил дальнейших взаимоотношений, заставляла обе стороны все-таки достичь согласия. Сторонам все же удалось подготовить текст 585-страничного соглашения, которое было одобрено лидерами стран ЕС на специальном экстренном саммите 25 ноября 2018 г. в Брюсселе.

Однако проект, согласованный лидерами стран ЕС, свидетельствовал о том, что противоречия сторон и разное понимание сути будущих отношений никуда не исчезли. К примеру, наиболее дискуссионный вопрос о режиме ирландской границы переговорщики, ради подписания всего документа, фактически просто отложили. Еще одним доказательством сохраняющейся неопределенности стало появление в итоговом тексте статьи, позволяющей продлить переходный период после Брексита на срок от одного до двух лет, иными словами – до конца 2022г. Выступая в палате общин 26 ноября 2018 г., лидер лейбористов Дж. Корбин заявил: «Премьер-министр, возможно, попытается представить итоги вчерашнего саммита как большой успех, но реальность такова, что ничего не изменилось... Это провалившаяся сделка, плохая сделка для нашей страны, и все, что вчера было сделано, стало итогом неудачных и жалких переговоров этого правительства». В условиях

предстоящей ратификации соглашения в парламенте подобное развитие событий не сулило ничего хорошего.

Затянувшийся политический кризис стал приобретать все более угрожающие очертания. Убедившись в том, что как сторонники жесткого Брексита, так и бримейнеры не поддержат в парламенте заключенное с ЕС предварительное соглашение, Т. Мэй отправилась убеждать европейских партнеров внести в предварительное соглашение коррективы, которые сняли бы опасения части британских депутатов и позволили бы добиться положительного итога при голосовании. Однако лидеры ЕС заняли непримиримую позицию и наотрез отказались пересматривать или дополнять договоренности, заключенные 25 ноября.

В начале 2019 года, в условиях неумолимо приближающегося срока выхода из ЕС, премьер-министр, несмотря на сохраняющийся глубочайший раскол политической элиты по вопросу Брексита, дважды выносила согласованный в ноябре 2018 г. вариант сделки с Брюсселем на суд Палаты общин и дважды потерпела сокрушительное поражение. 15 января депутаты отклонили проект соглашения с ЕС большинством в 230, а 12 марта – большинством в 149 голосов. Вместе с тем выдвинутое оппозицией предложение о вотуме недоверия правительству Т. Мэй также было отвергнуто большинством парламента. В итоге политический кризис обострился до предела, ситуация вышла из-под контроля и превратилась в патовую.

К лету отставка Т. Мэй стала очевидной. Б. Джонсон стал британским премьер-министром в июле 2019 г., к нему от Т. Мэй перешел целый багаж нерешенных проблем, связанных с Брекситом. По своим взглядам Б. Джонсон – убежденный евроскептик. Он считает, что Великобритания должна покинуть ЕС и вести самостоятельную торговую политику. Чтобы избежать правительственных разногласий по стратегии выхода страны из ЕС, он намеренно сформировал свой Кабинет министров из евроскептиков (С. Джавид, Д. Рааб, М. Гоув). Для сохранения поддержки в парламенте премьер-министр пообещал, что «не будет нейтральным» в отношении территориальной целостности королевства, останется приверженным Белфастскому соглашению 1998 г. и не поддержит идею референдума о воссоединении Северной Ирландии с Республикой Ирландия.

Первоначально Б. Джонсон планировал завершить Брекзит любой ценой к 31 октября 2019 г. Для этого он решил приостановить работу британского парламента, чтобы депутаты не успели обсудить и принять решение об отсрочке Брексита перед саммитом ЕС, запланированным на 17 октября. Премьер-министру удалось получить санкцию королевы

Елизаветы II на приостановку работы парламента с 10 сентября до 14 октября, убедив ее в том, что правительство хочет представить новую законодательную повестку, и данное решение никак не связано с конфликтом вокруг Брексита.

Действия Б. Джонсона вызвали широкий общественный резонанс – в Лондоне, Манчестере и Эдинбурге прошли манифестации с требованиями не приостанавливать работу парламента, а оппозиционные партии (лейбористы, шотландские националисты, либерал-демократы) резко осудили действия премьер-министра.

Однако маневр главы правительства провалился. Сначала Палата общин до закрытия своей сессии успела большинством голосов (327 – «за», 299 – «против») принять законопроект, обязывающий премьер-министра просить ЕС об отсрочке Брексита до 31 января 2020 г. Затем в конце сентября 2019 г. Верховный суд Великобритании признал действия Б. Джонсона незаконными, и парламент возобновил работу. Учитывая, что большинство депутатов не позволили бы Б. Джонсону провести «жесткий Brexit», он подготовил новое соглашение с ЕС, из которого исчез вызывавший бурные разногласия режим «бэкстопа». Вместо него были предложены следующие условия – Соединенное Королевство выйдет из Таможенного союза, а Северная Ирландия в нем останется; товары, которые следуют через ее границу на Европейский единый рынок, будут обложены дополнительными пошлинами. Иными словами, Б. Джонсон «отмахнулся» от Северной Ирландией, чтобы не затягивать переговоры с ЕС и поскорее завершить Brexit.

17 октября 2019 г. на саммите ЕС предложение Б. Джонсона было единогласно одобрено. От «бэкстопа» удалось легко отказаться, потому что новый план все равно позволял оставить Северную Ирландию воротами в европейскую таможенную зону, а Великобритания приняла обязательство сама взимать в пользу ЕС пошлины с товаров, которые направлялись на его территорию.

После удачных переговоров в Брюсселе Б. Джонсон планировал срочно провести сделку через парламент, чтобы завершить Brexit к 31 октября 2019 г., но столкнулся с сопротивлением депутатов. Большинство голосов (322 – «за», 306 – «против»). Палата общин проголосовала за поправку О. Летвина, которая требовала от Б. Джонсона просить у ЕС новой отсрочки, чтобы подробнее изучить детали сделки. Перед голосованием 22 октября по соглашению с ЕС Б. Джонсон заявил депутатам, что если они не поддержат его в течении трех дней, то он снимет законопроект с рассмотрения и проведет досрочные парламентские выборы. Несмотря на то, что сам

документ во втором чтении был одобрен большинством голосов (329 – «за», 299 – «против»), Палата общин выступила против ускоренного утверждения (322 – «за», 308 – «против») и оставила его в «подвешенном состоянии».

Парламентарии заставили Б. Джонсона получить от ЕС отсрочку Брексита до 31 января 2020 г., но затем премьер-министр сделал ответный ход – убедил с четвертого раза Палату общин поддержать досрочные парламентские выборы 12 декабря 2019 г. в итоге большинство депутатов одобрили инициативу премьер-министра (438 – «за», 20 – «против»). Это стало возможным благодаря поддержке либерал-демократов, лейбористов и ШНП, которые рассчитывали победить на выборах и остановить Брекзит. В свою очередь Б. Джонсон решил обновить состав парламента, объединить Консервативную партию и сформировать правительство большинства, которое сможет завершить выход Великобритании из ЕС.

По итогам досрочных парламентских выборов 12 декабря 2019 г. консерваторы заняли большинство мест в Палате общин (365), подвинув лейбористов (203) и либерал-демократов (11). Ослабление оппозиционных партий позволило Б. Джонсону не откладывать Брекзит и провести его по намеченному плану.

31 января 2020 г. Великобритания вышла из состава Евросоюза официально, однако процесс выхода, по существу, растянется на весь год. Предстоит выстроить новые отношения со странами Европы.

Почти 4 года Брекзит оказывал и еще будет оказывать большое влияние на международную ситуацию в Европе. Он отягощено сказывается на всех главных направлениях международных отношений на континенте.

Другим актуальным фактором, определяющим международную ситуацию в Европе являются отношения Европейского Союза с Российской Федерацией, которые с начала XXI столетия имеют устойчивую тенденцию к их ухудшению. Вдохновителями этого негативного процесса являются США, заинтересованные в разладе отношений среди их конкурентов. Евросоюз в ущерб своим интересам поддерживает американские экономические санкции против России. Объем торговли за последние два десятилетия между ЕС и РФ сократился более чем в 2 раза, с 450 до менее чем 200 млрд. долларов. Особенно сказались на этом события в Крыму и Донбассе 2013-2014 гг. Когда Россию обвинили в агрессивных действиях. На континенте была развернута антироссийская информационная война, в основе которой стала русофобия. Особенно усердствуют в этом плане страны Центральной Европы, Прибалтики, Великобритания, Украина, Швеция и Грузия. При этом все больше «поднимают головы» возрождающиеся неонацисты, прежде всего на Украине, Польше и прибалтийских государствах.

Показательно, что вызвавшая недавно реакцию в российском обществе резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 года, наряду с осуждением сталинского режима, содержит несколько пунктов, отчетливо направленных не против России, а против стран Восточной Европы. Так в 7 пункте Европарламент «осуждает исторический ревизионизм и прославление нацистских коллаборационистов в некоторых государствах-членах ЕС; глубоко обеспокоен растущим признанием радикальных идеологий и возвращением к фашизму, расизму, ксенофобии и другим формам нетерпимости в Европейском Союзе и обеспокоен сообщениями в некоторых государствах-членах о сговоре между политическими лидерами, политическими партиями и правоохранительными органами, а также радикальными, расистскими и ксенофобными движениями политических конфессий; призывает государства-члены самым решительным образом осудить такие акты, поскольку они подрывают ценности ЕС – мир, свободу и демократию».

Нетрудно заметить, что указанная формулировка напрямую отвергает возможность совмещения националистических дискурсов с той мемориальной культурой, которая сформировалась на протяжении последних десятилетий в западноевропейском обществе и оказалась экстраполирована на новых участников Европейского Союза. Показательной здесь является книга польского историка Яна Гросса «Соседи», которая даже на уровне названия означает символическое перекодирование роли поляков в геноциде евреев во время Второй мировой войны. На смену героизированному подходу борцов с нацизмом советской эпохи и подходу постсоветского времени пришло понимание той негативной роли, которые сыграли многие поляки в судьбе еврейских соседей.

Большую негативную оценку вызывает, как стало известно из открытых архивных источников, закулисное политиканство накануне войны, которое активно поддержало фашизм по дискриминации и уничтожению еврейского населения в Европе.

Наряду с этим, в ходе саммита в Польше посвященном годовщине начала II мировой войны в своих выступлениях польский и украинский президенты обвинили Советский Союз, наряду с Германией, в развязывании агрессии.

По этому поводу Президент России В.В. Путин публично высказал свое возмущение довоенному польскому расизму, который привел к уничтожению сотен тысяч людей еврейской национальности, а также назвал нелепыми попытки очернить внешнюю политику СССР в предвоенные годы.

Он попросил отечественных историков обобщить широкий массив архивных источников на эту тему и представить их европейской общественности.

Все вышесказанное, свидетельствует о том, что консервативная часть европейской политической элиты никак не может освободиться от старых подходов в отношениях с Россией, бытовавших в годы «холодной войны». Однако, в Европе растут здравые силы, которые хотят возрождения сотрудничества Евросоюза с Россией, без которого невозможно решать насущные проблемы континента.

Как видно из изложенного, современная международная ситуация в Европе является чрезвычайно сложной. Она определяется многими факторами и вызовами времени. Объективный политический анализ состояния международных отношений в регионе позволяет принять необходимые шаги в их улучшении.

Раздел IV. Латинская Америка: соперничество США и КНР в регионе

В современных условиях конфликтной многополярности Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика играют чрезвычайно важную роль в международных отношениях латиноамериканских государств. На ряде направлений влияние США и КНР является не просто существенным, но ключевым – в том смысле, что от проводимой Вашингтоном и Пекином линии в международных политических, торгово-экономических и кредитно-финансовых вопросах во многом определяет международную ситуацию в тех или иных странах Латинской Америки и в регионе в целом. Конечно, присутствие Соединенных Штатов и Китая на латиноамериканском пространстве различно как в историческом разрезе, так и в настоящее время по своим масштабам и глубине. Если для США обширная географическая зона к югу от Рио-Гранде – традиционная область экспансии, насчитывающей два столетия, то стремительное укрепление позиций КНР в Латинской Америке произошло в последние полтора десятилетия, и было связано с беспрецедентно высокими темпами роста китайской экономики и внешней торговли, обеспечивающими восхождение Поднебесной на топ-уровень глобальной системы. В результате сегодня Китай оказывается в состоянии полноценно и весомо присутствовать в подавляющем большинстве стран латиноамериканского региона, вступает в острую конкурентную борьбу с США за экономическое и политическое лидерство в этом районе мира.

С момента обретения латиноамериканскими странами государственной независимости (в большинстве случаев – первая треть XIX в.) они практически сразу превратились в объект военно-политической, финансовой и торгово-экономической экспансии со стороны США и ряда европейских держав, прежде всего Великобритании и Франции. В декабре 1823 г. в ежегодном послании президента Джеймса Монро американскому конгрессу были сформулированы принципы внешней политики Соединенных Штатов, включившей лозунг «Америка для американцев», который расшифровывался, как требование превратить Западное полушарие в зону, закрытую для вмешательства европейских держав и находящуюся в сфере «жизненных интересов» и исключительного влияния Вашингтона. Разумеется, Европа далеко не сразу смирилась с такой постановкой вопроса и еще многие десятилетия не оставляла попыток вмешиваться в латиноамериканские дела, но, провозгласив «доктрину Монро», США взяли

твёрдый курс на вытеснение европейских конкурентов и установление собственного доминирования в Латинской Америке.

Современная концепция развития европейско-латиноамериканских отношений была в 1995 г. сформулирована Европейской комиссией в основополагающем документе, озаглавленном «Европейский союз – Латинская Америка и Карибы: стратегическое партнерство». Главным результатом стратегии ЕС явились интенсификация политического диалога с латиноамериканскими странами, формирование системы межрегиональных связей и ее наполнение новым содержанием. Благодаря встречным усилиям Евросоюза и ключевых государств Латинской Америки, весь комплекс латиноамерикано-европейских отношений пришел в движение и стал характеризоваться рядом новых черт и явлений, двусторонние связи были дополнены многосторонними соглашениями и встречами на высшем уровне. В частности, с 1999 г. регулярно стали проводиться саммиты Евросоюза – Латинская Америка, которые со временем приобрели формат ЕС – СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, объединяющее все государства региона).

Практическим результатом латиноамерикано-европейского сближения явилось подписание в 1999 г. рамочного соглашения о сотрудничестве между Евросоюзом и Меркосур (Общий рынок, включающий Аргентину, Бразилию, Парагвая и Уругвай), заключение ЕС так называемых соглашений «четвертого поколения» о свободной торговле с Мексикой (2000 г.) и Чили (2002 г.), а также частичное снятие ограничений в торговле с другими странами региона, что обеспечило быстрый рост межрегионального товарооборота, объём которого в 2001 – 2011 гг. увеличился почти втрое – со 107 до 306 млрд. долл.

Таблица 1. Торговля Евросоюза с Латинской Америкой (товары, млрд. долл.)

Показатель	Год				
	2001	2011	2015	2016	2017
Экспорт	52	160	114	110	122
Импорт	55	146	132	124	134
Товарооборот	107	306	246	234	256

Однако, как показывают статистические данные, во втором десятилетии XXI в. динамика торговых связей Евросоюза и Латинской Америки заметно снизились, поскольку на мировую авансцену вышел новый сильнейший экономический и финансовый игрок – Китай; чьи предприятия

стали энергично осваивать латиноамериканские рынки и ощутимо потеснили конкурентов из Европы, США, Японии и других стран. На этой основе значительно расширился спектр политико-дипломатического взаимодействия Пекина с государствами Латинской Америки. Можно констатировать, что регион вступил в новый этап международного соперничества. В Латинской Америке начала складываться новая международная ситуация.

Смещение центра мировой экономики и торговли, а вслед за ними и глобальной политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона детерминировало главный геэкономический и геополитический сдвиг в международном положении латиноамериканских стран – поворот в сторону стремительно растущих азиатских (прежде всего китайских) рынков и расширение всего спектра отношений с государствами этой части Земли. Указанная тенденция отчетливо видна на примере значимых перемен в географической направленности латиноамериканского экспорта и импорта, в частности радикальных изменений в соотношении удельного веса американского и китайского рынков во внешней торговле Латинской Америки. Данные показывают, что в период 2001 – 2017 гг., доля Соединенных Штатов в совокупном внешнеторговом обороте региона снизилась с 51 до 38%, в то же время как доля Китая выросла с 2 до 13%. В абсолютных значениях американский экспорт в Латинскую Америку увеличился менее чем вдвое (со 168 до 321 млрд. долл.), тогда как аналогичный китайский показатель возрос в 16 раз: с 8 до 130 млрд. долл.

Таблица 2. Внешняя торговля стран Латинской Америки (товары, млрд. долл.)

Показатель	2001		2017	
	Млрд. долл.	Доля в %	Млрд. долл.	Доля в %
Экспорт	341	100	984	100
Экспорт в США	190	56	433	44
Экспорт в КНР	7	2	127	13
Импорт	363	100	1011	100
Импорт из США	168	46	321	32
Импорт из КНР	8	2	130	13
Товарооборот	704	100	1995	100
Товарооборот с США	358	51	754	38
Товарооборот с КНР	15	2	257	13

В считанные годы КНР перехватила экономическую инициативу и заняла видное место во внешнеторговых связях ряда ведущих государств Латинской Америки: Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Перу, Эквадора, Чили. С указанными странами Пекин установил отношения стратегического партнерства, благодаря чему китайско-латиноамериканское сотрудничество не ограничилось торговлей, а распространилось на все сферы экономической и финансовой деятельности. По экспертным оценкам по состоянию на 2017 г. накопленный объем прямых и портфельных инвестиций китайских компаний в регионе превысил 240 млрд. долл. США, а по заявлению председателя КНР Си Цзиньпина, этот показатель в 2025 г. должен возрасти еще на 250 млрд. долл.

Особых размаха и глубины достигли отношения Китая с Аргентиной и Бразилией, причем взаимодействие Пекина с каждой из этих крупнейших южноамериканских стран имеет свою четко выраженную специфику. В частности, в Аргентине китайские предприятия добились крупных контрактов в сфере ядерной энергетики и стремятся захватить лидирующие позиции в этой высокотехнологичной отрасли. 17 мая 2017 г. в Пекине в присутствии председателя Си Цзиньпина и президента Аргентины Маурисио Макри было подписано рамочное соглашение между “China National Nuclear Corp” (CNNC) и “Nucleoelectica Argentina S.A.” о строительстве четвертой и пятой аргентинских АЭС. Стоимость проекта оценивается в 14-15 млрд. долл. США, причем 85% финансирования берет на себя CNNC. Предполагается, что одна из станций мощностью 700 МВт на базе канадского тяжеловодного реактора CANDU-6 будет построена в провинции Буэнос-Айрес, а другая АЭС с китайским легководным реактором третьего поколения «Хуалун-1» и мощностью 1150 МВт – в провинции Рио-Негро.

Бразилию Китай «намертво привязал» к себе многомиллиардными закупками важной для экономики этого южноамериканского гиганта сырьевой и продовольственной продукции, а также энергоресурсов и отдельных видов промышленных товаров, включая высокотехнологичные (соя, железная руда, минеральное горючее, мясные продукты, гражданские самолеты, сталь, медь и т.д.). Бразильский товарный экспорт в Китай в 2001-2017 г. вырос в 25 раз: с 1,9 до 47,5 млрд. долл. США и достиг 22% совокупного экспортного показателя, что значительно превосходит объем вывоза бразильских товаров в США – 25 млрд. долл. При этом Бразилия, в отличие от подавляющего большинства других стран мира, сохраняет крупный профицит в торговле с КНР, размер которого превышает 20 млрд. долл.

Характер стратегического партнерства приобрели китайско-венесуэльские отношения, что на фоне резкого обострения противоречий между Вашингтоном и Каракасом выглядит прямым вызовом США. Компании КНР инвестировали в венесуэльскую экономику десятки миллиардов долларов и создали совместные предприятия в целом ряде ключевых отраслей.

Подобного рода примеры подтверждают тот вывод, что торгово-экономический и инвестиционный поворот Латинской Америки в сторону Китая стал свершившимся фактом, а с учетом высокой динамики китайских рынков отношения между КНР и регионом будут нарастать и в дальнейшем. Это – крупный геополитический сдвиг, бросающий серьезный вызов гегемонии Соединенных Штатов.

Похоже, что это осознали и в правящих сферах США. Свидетельством признания нового геополитического расклада в Западном полушарии стало заявление Госдепартамента США о том, что правительство отказывается от печально известной «доктрины Монро», служившей идейным обоснованием вмешательства Вашингтона в дела южных соседей. Символично, что декларация дипломатической службы Соединенных Штатов была сделана в штаб-квартире ОАГ 18 ноября 2013 г., то есть за две недели до того, как этой доктрине исполнилось 190 лет.

Дезавуирование администрацией Б. Обамы «доктрины Монро» стало своего рода эндшпилем почти двухсотлетней гегемонистской политики США в Латинской Америке. Одновременно Белый дом пошел на нормализацию американо-кубинских отношений, о чем 17 декабря 2014 г. синхронно объявили Б. Обама и глава правительства Кубы Рауль Кастро. В мировом экспертном сообществе обоснованно восприняли это событие в общем контексте политики Вашингтона в Латинской Америке, поскольку антикубинский курс десятилетиями отравлял атмосферу межамериканских отношений, негативно влиял на имидж Соединенных Штатов в регионе, но не достиг желаемой цели – падение коммунистического режима. «Пятьдесят лет изоляции Кубы не помогли продвижению демократии, но нанесли вред нашим отношениям с Латинской Америкой», - констатировал тогдашний американский президент.

Восстанавливая американо-кубинские связи, Вашингтон получал в свои руки инструменты «мягкой силы», с помощью которых рассчитывал «аккуратно» воздействовать на развитие внутренних общественных процессов на Кубе. В региональном разрезе США совершили поворот в направлении восстановления своих позиций, обеспечения крепкого и

надежного тыла, а главное – вытеснения китайских конкурентов с обширного латиноамериканского пространства.

Победа Д. Трампа стала неприятным сюрпризом для большинства латиноамериканцев, явившись серьезным вызовом ведущим государствам региона. Проблема в том, что еще в ходе избирательной кампании республиканский кандидат сделал бесчисленное количество заявлений, прямо или косвенно направленных против торгово-экономических интересов стран Латинской Америки и подливавших масла в огонь региональной нестабильности.

Ведущие южноамериканские страны, как и опасались, попали под каток торговых войн. Например, в результате введения летом 2017г. практически запретительных пошлин (до 72%) на импорт биотоплива Аргентина лишилась важнейшего для себя американского рынка, поставки на который превышали 1,2 млрд. долл. США в год. Заметим в этой связи, что с Аргентиной у США активный торговый баланс суммарно составил в 2015-2017 гг. 13,3 млрд. долларов. Таким образом, речь в данной связи шла не о выравнивании торгового обмена, о чем бесконечно заявляет Д. Трамп, а о наращивании активного сальдо Соединенных Штатов в торговле с южноамериканским партнером.

Ощутимый урон интересам Аргентины, Бразилии и Мексики нанесло решение Белого дома о введении с 1 июня 2018 г. повышенных пошлин на импорт стали (до 25%) и алюминия (до 10%). Указанные три ведущие латиноамериканские страны, наряду с Китаем, входят в число крупнейших мировых поставщиков металлургической продукции на американский рынок, а потому расценили протекционистское решение Вашингтона как акт торговой войны, способный спровоцировать в глобальной экономике «идеальный шторм» - сочетание неблагоприятных факторов, умножающие их конечный негативный эффект.

Стратегическое значение для высокотехнологичного бизнеса США имеет попытка фактического поглощения корпорацией Boeing лидера бразильского самолетостроения компании Embraer. Заметим, что данная сделка вызвала сопротивление судебных органов, а также части бразильского политического и оборонного истеблишмента, которым удалось сохранить под национальным контролем производство военных самолетов и машин предпринимательского класса. По сведениям из информированных источников, после длительных переговоров, в новую совместную компанию, в которой Boeing должен получить 80,01% акций, перейдут мощности Embraer по производству коммерческих лайнеров.

США и латиноамериканские государства кардинально разошлись в оценке перспектив и задач развития отношений с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В Латинской Америке крайне негативно отнеслись к выходу Вашингтона из соглашения по Транстихоокеанскому торговому партнерству (ТТП). Не случайно именно южноамериканская страна – Чили стала одним из главных инициаторов продолжения усилий по формированию интеграционного мегаблока на тихоокеанском пространстве и сыграла важную роль в подписании 8 марта 2018 г. Всеобъемлющего и прогрессивного договора о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП). По иронии судьбы, администрация Д. Трампа теперь думает присоединиться к этому соглашению, чтобы не остаться за бортом интеграционных процессов в АТР.

Но это дело будущего, а между тем продолжает интенсивно развиваться процесс торговой и финансово-экономической экспансии Китая в Латинскую Америку, повышается роль Пекина и как источника кредитных ресурсов. И все это происходит в условиях неопределенности и хаоса, создаваемого политикой Вашингтона. По существу, как отмечают международные эксперты, Д. Трамп своей неуклюжей политикой толкает латиноамериканские страны в торгово-экономические и финансовые объятия Китая.

В то же время администрация Д. Трампа использует имеющиеся в ее руках рычаги давления для того, чтобы ослабить позиции КНР в Латинской Америке. В частности, об этом свидетельствовал текст нового торгово-экономического соглашения США с Мексикой и Канадой (USMCA), подписанного 30 ноября 2018 г. «на полях» саммита «Большой двадцатки» в Буэнос-Айресе. В соответствии со специальным положением, включенным под нажимом Белого дома, торговый альянс одного из партнеров с «государством нерыночной экономики» (разумеется, в первую очередь, имелся в виду Китай) дает право двум другим участникам USMCA в течение шести месяцев выйти из соглашения и заключить двусторонний экономический пакт. Тем самым Вашингтон исключал возможность того, что в ответ на американские торговые санкции, КНР может договориться о размещении производственных мощностей в Мексике или Канаде и получит возможность входить на рынок США с «черного хода».

Перелом трендов в латиноамериканской политике Соединенных Штатов особенно отчетливо просматривается в Карибском бассейне, который, в силу ряда факторов последнего времени, приобрел для администрации Д. Трампа дополнительную геоэкономическую и геополитическую значимость и где столкновение интересов США и КНР

просматривается особенно отчетливо. Примером может служить контроль над модернизированным Панамским каналом – ключевой артерией, через которую проходят стратегически важные для американского бизнеса грузы, в том числе поставляемый на экспорт сжиженный газ. В 2017 г. его транзит в Азию составил 6 млн. т, а в 2020 г. – данный показатель увеличится в пять раз и достигнет 30 млн. т.

Крайне высока роль Панамского канала и во внешней торговле Венесуэлы, Бразилии, Кубы и других островных карибских государств, чьи экспортно-импортные потоки в настоящее время полностью контролируются вооруженными силами Южного командования США (USSOUTHCOM). В данной связи серьезное беспокойство Вашингтона вызвали планы Китая и Никарагуа построить альтернативный межокеанский канал на территории этой центральноамериканской страны. Реализация такого масштабного проекта могла бы изменить геополитическую ситуацию в карибском бассейне не в пользу Соединенных Штатов.

Сохранение доминирования США в районе Карибского бассейна осуществляется различными методами. С одной стороны, Д. Трамп ощутимо нарастил давление на главного оппонента Вашингтона – венесуэльский режим, вставший на путь широкого сотрудничества с Китаем, Кубой и Россией. Целью Белого дома стало с помощью санкций перекрыть Каракасу «финансовый кислород». В августе 2017 г. был подписан декрет, запрещающий американским компаниям операции с новыми долговыми инструментами венесуэльского государства и его нефтяной корпорации, что резко сократило доступ Венесуэлы к международным кредитным ресурсам. Причем к дипломатическим демаршам США подключились корпорации, понесшие убытки из-за экономической политики правительства Н. Мадуро. В частности, известная компания-производитель предметов личной гигиены Kimberley-Clarc свернула свою деятельность в Венесуэле и обратилась в международный центр по разрешению инвестиционных споров Всемирного банка (International Center for Settlement of Investment Disputes – ICSID) с требованием о компенсации за национализированные активы. Таким образом, Kimberley-Clarc присоединилась к другим фирмам (Clorox, Ceneral Mills, General Motors, Harvest Natural Resources и др.), покинувшим эту карибскую страну. В результате венесуэльский режим, по существу, оказался в финансово-экономической «осаде», выдержать которую ему помогли китайские и российские власти.

Вместе с тем государственный департамент США привлек международное внимание к драматическим событиям в Никарагуа. Здесь, в ответ на принятие Сандинистским правительством Даниэля Ортеги реформы

пенсионной системы, предусматривавшей сокращение на 5% размеров и увеличение взносов в фонд социального страхования, поднялась беспрецедентная протестная волна. В ходе столкновений 16 – 22 апреля 2018 г. погибло, по некоторым оценкам, не менее 30 человек, что отрицательно сказалось на международном имидже Манагуа. В специальном заявлении пресс-секретарь Хизер Нойерт осудила «чрезмерное насилие» со стороны никарагуанской полиции и других сил правопорядка, применение для подавления протестных выступлений, и призвала правительство Никарагуа «позволить провести независимое расследование и подвергнуть преследование виновных в человеческих жертвах».

Одновременно Вашингтон встал на путь ухудшения отношений с Гаваной и не упускает случая вбить клин между кубинским руководством и формирующимися на острове частными предпринимательскими группами. Например, администрация Д. Трампа в целом не препятствует деловым контактам американских и кубинских бизнесменов, но категорически запрещает любые финансовые транзакции из США в адрес контролируемой военными Группы управления предприятиями (GAESA).

Фактическое ужесточение политики США в Латинской Америке не могло не воскресить в памяти «доктрину Монро», о чем в начале февраля 2018 г. заявил Государственный департамент. Эта доктрина на «сегодня так же актуальна, как и во времена ее провозглашения», только место европейских стран в Латинской Америке сейчас стремится занять Китай.

В середине сентября 2018 г. в ходе официального визита в Китай президента Венесуэлы Н. Мадуро было подписано 28 соглашений о сотрудничестве между двумя странами в ключевых секторах венесуэльской экономики и социальной сферы: нефтяная промышленность, горная добыча, промышленные технологии, здравоохранение, общественная безопасность. Выступая на состоявшемся в Пекине заседании Смешанной двусторонней венесуэльско-китайской комиссии, президент отметил, что пакет новых соглашений открывает путь к расширению деятельности созданных обеими странами совместных предприятий. В частности, такие компании, как Sinovensa, Petrourica, Petrozumano и др., призваны сыграть заметную роль в разработке гигантских месторождений битуминозных песков «пояса Ориноко».

Такого рода факты подтверждают серьезность намерений китайского руководства, бросившего вызов американскому доминированию к югу от Рио-Гранде, в том числе в Карибском бассейне. Сейчас, через пять с лишним десятилетий после карибского кризиса 1962 г., этот район земного шара вновь становится зоной международного противостояния, пока – торгово-

экономического. Однако тот факт, что Белый дом принял самое деятельное участие в подготовке отстранения от власти Н. Мадуро, свидетельствует об ужесточении политики США и повышении рисков перехода к силовым методам в Латинской Америке.

Почти 2500 лет тому назад древнегреческий историк Фукидид, наблюдавший нарастание опасного противостояния между правившей на Пелопонесском полуострове Спартой и экономически усиливавшимися Афинами, считал неизбежным столкновение между ними. Так называемая «ловушка Фукидида» говорит о том, что доминирующие державы, сталкиваясь с новыми центрами силы, испытывают опасения и неуверенность, заставляющие их прибегать к политике «сдерживания» конкурентов с целью сохранения своего лидерства, в результате чего на международной арене складывается ситуация «конфликтной многополярности», грозящей перерасти в неконтролируемый хаос. По мнению известного американского политолога Грэма Эллисона, в случае США и КНР риски «ловушки Фукидида» возрастают из-за цивилизационной несовместимости, усугубляющей конкуренцию и затрудняющей межгосударственное взаимопонимание. Другими словами, противоречия между американскими и китайскими ценностями, традициями и философскими установками обостряют фундаментальную структурную напряженность, возникающую в тот момент, когда поднимающийся Китай начинает угрожать глобальным экономическим и политическим позициям Соединенных Штатов.

Приняв вызов Пекина, администрация Д. Трампа в стремлении «сдержать» КНР прибегла к широкому арсеналу средств и методов так называемых гибридных войн. В том числе: введение (и угроза расширения) жестких протекционистских мер в американо-китайской торговле; сокращение доступа китайских предприятий к передовым технологиям; плохо замаскированное поощрение сепаратистских настроений на Тайване; усиление присутствия ВМС США в бассейне Южно-Китайского моря, активная антикитайская пропагандистская кампания; дипломатическое финансово-экономическое давление на государства, особенно тесно связанные с Китаем.

Как уже отмечалось, в Латинской Америке такой страной, попавшей под паровую каток американских санкций, стала Венесуэла, но и другим латиноамериканским столицам высокопоставленные представители Вашингтона (вице-президент Майкл Пенс, государственный секретарь Марк Помпео) пытаются «подсказывать» линию внешнеполитического поведения.

Резкие действия Вашингтона грозят повысить уровень турбулентности мировой торговли, сделать ее эволюцию непредсказуемой и – самое главное – распространить возникающие негативные эффекты практически на всех участников мирохозяйственных связей, включая те государства, которые отнюдь не стремятся бить в барабаны торговых войн.

17 – 18 ноября 2018 г. в столице Папуа – Новой Гвинее городе Порт-Морсби прошел 26-й саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В форуме АТЭС, учрежденном в 1989 г. участвуют три латиноамериканские страны (Мексика, Перу и Чили), а еще пять (Гватемала, Колумбия, Коста-Рика, Панама и Эквадор) – выразили заинтересованность и желание присоединиться к этому авторитетному межправительственному диалоговому механизму. Больше всего латиноамериканцев интересует участие в реализации провозглашенных в 1994 г. Богорских целей АТЭС, предусматривающих формирование в Азиатско-тихоокеанском регионе (АТР) зоны «свободной и открытой торгово-инвестиционной деятельности».

В отличие от всех предыдущих саммитов, встреча в Папуа – Новой Гвинее завершилась без согласования итоговой декларации из-за противоречий между США и КНР по вопросам торгово-экономической политики. В Латинской Америке итоги саммита в Порт-Морсби были расценены как провальные, поскольку американо-китайские разногласия не позволили им продвинуть на форуме концепцию взаимодействия в интересах более тесной интеграции в бассейне Тихого океана. Президент Чили Себастьян Пиньера резко отрицательно высказался в отношении торговой войны между США и КНР, заявив, что «она наносит вред многим странам», и призвал обе великие державы положить конец экономическому противостоянию.

Таким образом, в Латинской Америке считают, что протекционистский инстинкт Белого дома – опасное международное явление, способное вызвать цепную реакцию ограничительных мер в мировой торговле, спровоцировать гибридные войны и, в конечном счете, затруднить социально-экономическое развитие государств региона.

В латиноамериканских столицах за процессом американо-китайского соперничества на глобальном уровне наблюдают со вниманием, настороженностью и опасениями. Это связано не только с текущей международной ситуацией, но и с динамикой отношений Вашингтона и Пекина, нарастанием противоречий на глобальном и региональном уровне. Латиноамериканцы не без оснований считают, что развязывание торговых войн и других видов американо-китайского противостояния может навредить

развитию мировой экономики и нанести ущерб интересам региона, который критически зависит от международных торговых и финансовых рынков.

В самой ближайшей перспективе сверхзадачей внешней политики латиноамериканских стран станет поиск баланса во взаимодействии с США и КНР. В арсенале стран Латинской Америки есть только один возможный ответ на эти вызовы – последовательная диверсификация внешних связей, углубление региональных интеграционных процессов, интенсификация сотрудничества с быстро растущими экономиками Азиатско-тихоокеанского региона, перевод на более высокий уровень отношений с государствами Европейского союза, Индией и Россией, превращение ключевых стран латиноамериканского региона (с учетом их географического расположения) в крупные торгово-экономические хабы. Только на этом стратегическом треке можно ослабить гиперзависимость от Вашингтона и Пекина и нивелировать негативные эффекты протекционистской политики и торговых войн.

РАЗДЕЛ V. Африка: проблема развития, международная ситуация в регионе

Африке до последнего времени отводилась роль аутсайдера в мировом развитии. Еще более ускорил отставание стран региона от передовых государств переход развитых стран на постиндустриальную и инновационную модели развития. Изогранные «программы структурной адаптации», навязанные африканским странам Бреттон-Вудскими институтами, усугубляют бедственное положение африканского населения. Широко разрекламированные Западом обязательства по помощи развития не выполняются, будто бы из-за отсутствия средств. Богатейшие африканские ресурсы нещадно эксплуатируются бывшими метрополиями и другими западными государствами. В самих африканских странах сохраняется высокий уровень коррупции. По результатам работы Комиссии Африканского Союза высокого уровня во главе с бывшим президентом ЮАР Т. Мбеки установлено, что незаконный отток капитала из Африки за последние 50 лет составил более 1 трлн. долл. Все это привело к тому, что доля континента в мировом ВВП до сих пор не превышает 3% (по паритету покупательной способности – 5%), а в мировом экспорте товаров и услуг – 2,5%.

Но ситуация внутри континента и международных отношений постепенно меняется. В настоящее время Африка развивается достаточно успешно. В последние 10 лет, несмотря на кризисные явления, среднегодовые темпы прироста достигли на континенте 4-5%, что существенно выше среднемировых показателей. Однако, по данным Африканского банка развития в 2010 г. обозначилось падение темпов экономического роста. В 2016 г. рост экономики составил 2,2%. Такое сокращение обусловлено рядом факторов, но главная причина заключается в снижении цен на сырьевые и топливные товары, которые продолжают доминировать в экспорте значительного числа африканских государств.

По данным статистики в это время цены на металлы и другие «нетопливные» сырьевые товары упали в среднем на 6%, что существенным образом отразилось на экономиках большинства африканских стран, в экспорте которых преобладают металлы и другие виды сырья. Но самое большое падение произошло в нефтяном секторе, цены на нефть с величины в 115 долл. за баррель в июне 2014 г. упали до 29 долл. В январе 2016 г. Снижение цен на нефть почти в 4 раза ударило прежде всего по странам – экспортерам нефти, в том числе по крупнейшей на континенте экономике Нигерии. На последнюю приходится примерно 30% африканского ВВП.

Поскольку в 2016 г. ВВП Нигерии сократился на 1,5%, это оказало отрицательное влияние как на темпы прироста субрегиона Западная Африка, которые упали в 2016 г. до уровня 0,4%, так и на общеафриканские показатели в целом. В других частях Африки ситуация выглядела несколько лучше, прирост ВВП в 2016 г. составил в Центральной Африке 0,8%, в Южной – 1,1%, в Северной – 3%, а в восточной – 5,3%.

В качестве других негативных факторов, повлиявших на развитие африканских экономик во второй декаде XXI века, можно назвать замедление роста Китая, социально-экономические последствия так называемой «арабской весны», в первую очередь разрушение Ливии, а также продолжение старых и возникновение новых конфликтов в ряде африканских государств.

Даже небольшое сокращение темпов прироста китайской экономики с 6,9% в 2015 г. до 6,5% в 2017 г. отрицательно повлияло на скорость африканского развития. Страны Африки находятся в сильной экономической зависимости от Поднебесной, именно она сегодня – главный торговый партнер и главный инвестор большинства стран континента. Достаточно привести тот факт, что 30% африканского экспорта приходится на Китай, причем по своей структуре они на 83% состоит из сырьевых товаров. Замедление роста китайской экономики означает не только уменьшение объемов торговли, но и сокращение инвестиционных проектов в африканских государства, что в конечном счете, отрицательно сказывается на их развитии.

Так называемая революция в Ливии оказала очень большой негативный эффект на африканское развитие в целом. И связан он был не только с резким разрушением самой ливийской экономики, которая обладала по африканским меркам весьма немалыми размерами, но и с полным прекращением инвестиционных проектов, которые Муаммар Каддафи, позиционировавший себя в последние годы как «всеафриканский лидер», уже осуществлял или планировал осуществить в африканских государствах. Необходимо также иметь в виду, что Ливийская Джамахирия давала работу более 1,5 миллионам африканских мигрантов, которые регулярно переводили деньги на родину. После убийства М. Каддафи часть этих людей вернулась домой, другая перебралась в Европу, но, в любом случае, многие из них потеряли работу, их доходы сократились, что отрицательно повлияло на экономический рост на Африканском континенте. Вот почему в скорейшем завершении ливийского кризиса заинтересованы сегодня не только западные, в первую очередь европейские, государства, страдающие от растущего притока африканских мигрантов, незаконного оборота наркотиков, оружия, роста

террористической угрозы и других последствий распада Ливии, но и африканские страны.

Нестабильная обстановка в других государствах Африки также препятствует их поступательному развитию. Хотя общее число конфликтов на континенте за последние годы сократилось, оно остается все еще достаточно высоким. В 2016 – 2017 гг. вооруженные столкновения продолжались в таких странах, как ДРК, ЦАР, Бурунди, Ливия, Мали, Нигерия, Сомали, Южный Судан, Камерун и Эфиопия.

В основе африканских конфликтов лежат как внутренние, так и внешние факторы. Необычайно многообразная этно-конфессиональная структура африканского населения, искусственно проведенные колонизаторами границы государств на Черном континенте, борьба за власть, социально-экономическая отсталость, бедность, голод, безработица, особенно среди молодежи – вот неполный перечень «внутриафриканских» причин, вызывающих войны и конфликты. Сюда же следует добавить коррупцию, низкий уровень подготовки и функционирования таможенных и налоговых органов и расцвет теневой экономики, которые способствуют оттоку капитала из африканских стран и препятствуют притоку инвестиций из-за рубежа.

Внешние игроки, заинтересованные в использовании богатейших африканских ресурсов и рынков, явно используют существующие противоречия в своих интересах и активно вмешиваются во внутренние дела африканских государств, подливая масло в огонь боевых действий и цветных революций.

На рубеже XX и XXI веков темпы роста экономик стран «золотого миллиарда» замедлились, что привело к некоторому сокращению масштабов потребления в развитых государствах. По многочисленным опросам, проведенным в Германии, Франции и Великобритании, жители всех стран впервые за всю послевоенную историю отмечают, что сегодня они живут хуже, чем пять лет назад. И это связано не только с миграционным кризисом, но и с исчерпанием внутренних факторов развития западных государств в рамках существующей модели развития. Чтобы найти выход из сложившейся ситуации, эти страны (в первую очередь США, теряющие роль мирового гегемона) наращивают мощь военно-промышленного комплекса и развязывают локальные и региональные конфликты под видом продвижения так называемых идеалов демократии и борьбы с терроризмом. Создание ряда военных командований на территории Африки с целью мнимого разрешения конфликтов, содержание также многочисленного воинского контингента, развитие военной инфраструктуры, в том числе поддержание старых и

создание новых военных баз, поставки вооружений прозападным африканским режимам и другие подобные действия не только служат цели расширения и успешного функционирования военной индустрии США и стран ЕС, но и обеспечивают контроль за африканскими ресурсами, имеющими стратегическое значение.

Несмотря на многочисленные и нередко успешные попытки сохранить Африку в качестве объекта мировой экономики и политики. Континент все более обретает субъективность в международных отношениях, а его развитие в ближайшие десятилетия может изменить его положение.

Так, уже в 2017 г. прирост экономики в странах Африки, по предварительным оценкам, составил 3,6%, а в 2018 г. увеличение этого показателя до 4,3%. Темпы прироста ВВП в среднем по Африке южнее Сахары по прогнозам аналитиков в ближайшее десятилетие (начиная с 2020-х гг.), вновь могут превысить 5%. В ряде стран, они уже сейчас превышают 7% годовых. Это Буркина-Фасо (8,4% в 2017 г.), Эфиопия (8,1%), Кот-д'Ивуар (7,3%), Танзания (7,2%) и Гана (7,1%). В условиях ломки старой и вызревания новой экономической модели мира некоторые аналитики предрекают, что к 2050 г. африканская экономика может вырасти с 2,2 трлн. (данные на 2017 г.) до 29 трлн. долл. и превзойти по объему ВВП США и Европейский Союз.

Другими важнейшими факторами современного развития Африки выступают расширение масштабов потребления на внутренних рынках африканских стран, диверсификация экономик ряда государств континента за счет повышения доли услуг и промышленности, существенное улучшение делового климата в результате совершенствования инвестиционного законодательства и постепенной стабилизации внутривластной и международной ситуации. За последние 7 лет, в период с 2011 по 2017 г., страны Африки значительно повысили свой индекс конкурентоспособности. А такие страны, как Руанда и Маврикий, где соответствующий индикатор достиг величины 4,49, а также Ботсвана (4,29), Кения (3,9), Эфиопия (3,77), Сенегал (3,74), Кот-д'Ивуар (3,7) и Гана (3,69) превзошли по этому показателю успешно развивающиеся экономики Юго-Восточной Азии, включая Индонезию, Камбоджу и Мьянму, где он не превышает 3,6.

Улучшение инвестиционного климата на Африканском континенте способствует увеличению объема капиталовложений из-за рубежа. В 2017 г. приток иностранных инвестиций в Африку составил 57,5 млрд. долл., что на 1,5 млрд. долл. больше полученной африканскими государствами ОПР (56 млрд долл. в 2017 г.). при этом большая часть зарубежного капитала была направлена не в горнодобычу, а в такие отрасли, как производство

потребительских товаров, инфраструктура, сфера услуг, включая финансы, а также в информационный и телекоммуникационный секторы. Весьма примечательно, что значительная доля инвестиций поступила из развивающихся стран, в том числе из регионов Дальнего и Ближнего Востока.

В последнее время Российская Федерация усилила внешнюю политическую деятельность в Африке. Об этом свидетельствует проведение в г. Сочи масштабного международного Саммита и экономического форума «Россия и Африка». В нем приняли участие официальные представители всех 54-х стран Африки, 45 из которых были представлены главами государств и правительств: Алжир, Ангола, Бенин, Буркина-Фасо, Гамбия, Гана, Гвинея, Демократическая Республика Конго, Джибути, Египет, Зимбабве, Кабо-Верде, Коморы, Конго, Кот-д'Ивуар, Кения, Ливия, Маврикий, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Мозамбик, Марокко, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сейшелы, Сенегал, Сомали, Сьерра-Леоне, Судан, Того, Тунис, Уганда, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея, Эсватини, ЮАР, Южный Судан, Габон, Танзания, Эфиопия. На мероприятиях Форума присутствовали руководители исполнительных органов восьми региональных организаций Африки: Африканского союза, Африканского экспортно-импортного банка, Восточноафриканского сообщества, Союза Арабского Магриба, Сообщества развития Юга Африки, Экономического сообщества государств Центральной Африки, Экономического сообщества стран Западной Африки, а также представители Межправительственной организации по развитию и Общего рынка восточной и Южной Африки.

Среди знаковых представителей иностранного и российского бизнеса – постоянные участники мероприятий Фонда Росконгресс: председатель Unitel SA Изабел Жозе Душ Сантуш (Ангола); главный исполнительный директор инвестиционной компании Gemcorp Capital LLP Атанас Бостанджиев, (Великобритания); генеральный директор, председатель правления ПАО «КАМАЗ»; председатель совета директоров АО «Объединенная химическая компания «Уралхим»»; президент ПАО «Лукойл» и др.

В основу деловой программы Экономического Форума легли дискуссии, посвященные потенциалу развития сотрудничества и взаимодействия на африканском континенте. Он открылся пленарным заседанием на тему «Россия – Африка: раскрывая потенциал сотрудничества». На пленарном заседании выступили сопредседатели Саммита Россия – Африка Президент Российской Федерации В.В. Путин и Президент Арабской Республики Египет А. Аль-Сиси.

«За пять лет – заявил президент России, – взаимный российско-африканский товарооборот вырос более чем в два раза и превысил, как здесь коллега уже только что говорил, 20 млрд. долларов. Много это или мало? Мне кажется, что это слишком мало. Ведь имейте в виду, уважаемые дамы и господа, из этих 20 млрд. 7,7 млрд. – это наша торговля с Египтом, это 40%. А в Африке очень много наших потенциальных партнеров. С хорошими перспективами развития, с огромным потенциалом роста».

Президент Арабской Республики Египет А. Аль-Сиси в ходе пленарного заседания подчеркнул особую роль Российской Федерации в укреплении мира, стабильности и экономического прогресса. Он, в частности, сказал: «Мы высоко ценим то внимание, которое Российская Федерация уделяет укреплению сотрудничества с Африкой, и рассматриваем Экономический форум как важную площадку для демонстрации возможностей развивать инвестиции и торговлю между нашими народами, что будет способствовать укреплению связей между нами в соответствии с концепцией «повесткой дня 2063», выработанной Африканским союзом».

В рамках Экономического Форума Российская федерация представила карту компетенций России для Африки – информационно-аналитическое программное обеспечение, которое позволило гостям узнать о российских компетенциях в различных сферах, а также продуктах, конкурентоспособных на международных рынках. Карта компетенций России для Африки включила 39 продуктов, которые объединены в семь компетенций: медицина, недропользование, цифровое государство, образование, транспортная инфраструктура, энергетика, сельское хозяйство. Более 170 российских компаний и организаций представила 280 предложений.

Страны Африканского континента сейчас проходят через серию трансформаций: инфраструктурную, цифровую, человеческую. Задача этих трансформаций – повышение качества жизни людей, которые населяют африканский континент.

Дискуссии на форуме были разделены на три тематических тренда: «Развивая экономические связи», «Создавая совместные проекты», «Сотрудничество в гуманитарной и социальной сфере». В общей сложности – 31 сессий, посвященных вопросам развития торгово-экономических отношений, существующих и потенциальных совместных проектов в нефтегазовой отрасли, агропромышленной сфере, созданию транспортной инфраструктуры, строительству и атомной энергетике. В дискуссиях принимали участие 268 докладчиков.

В ходе Саммита и Экономического форума «Россия – Африка» подписаны 92 соглашений и контрактов, а также Меморандумов о

взаимопонимании. Общая сумма подписанных документов, информация о которых не является коммерческой тайной, составляет более одного трлн. рублей. По отраслям наибольшее количество договоров было подписано в области экспорта и внешнеэкономической деятельности, высоких технологий, транспорта и логистики, добычи полезных ископаемых и геологоразведки, инвестиций и банковской деятельности. За последние пять лет товарооборот между Россией и Африкой удвоился и этот показатель имеет все предпосылки для дальнейшего роста. Сегодня в Африке находятся шесть из десяти самых динамичных экономик мира. Здесь проживает самое молодое и быстрорастущее население планеты. Взаимовыгодное партнерство является фундаментальной основой для развития экономик государств.

Наряду с проблемами политической модернизации и развития экономики на международную ситуацию в Африке большое влияние оказывает конкуренция между государствами.

За последние десять лет, т.е. уже в XXI в., более половины африканских стран в течение довольно длительного периода времени находились в состоянии политического кризиса, а некоторые пребывают в нем до сих пор. Нестабильность и конфликты в Африке, порождаемые увеличением числа беженцев, роста международной армии безработных и бездомных, угрозы терроризма и т.д. Поскольку разрешение конфликтов в Африке было и остается сложным по целому ряду причин, сама их природа, а также способы урегулирования являются предметом постоянных политических дискуссий и научных исследований.

Как отмечает в своей книге «Африка в мировой политике: панафриканская перспектива» американский политолог Мартин, в Африке, как и везде, но, возможно, в большей степени, чем в других регионах мира, конфликты являются частью общественной динамики и повседневной жизни людей, поскольку там происходит постоянная борьба между отдельными лицами, семьями, кланами, этническими группами и странами за контроль над природными, экономическими и политическими ресурсами. Конфликты стали неотъемлемой чертой африканской действительности и должны рассматриваться в специфическом историческом контексте. В результате конфликтов, утверждает Мартин, подрываются такие базовые принципы государственности, как суверенитет, территориальная целостность и неприкосновенность существующих границ.

В противовес бытовавшему в течение долгого времени представлению о том, что главными предпосылками к возникновению конфликтов являются бедность определенных групп населения, а также неравенство и несправедливое распределение ресурсов, в начале нынешнего века западные

ученые начали склоняться к тому, что причиной возникновения и продолжительности конфликтов и войн в Африке чаще становится жажда наживы, нежели нищета. То есть бедственное положение какой-то, даже значительной части населения в той или иной африканской стране крайне редко становится причиной возникновения политического конфликта.

Известный британский политолог П. Коллиер в книге «Миллиарды на дне» предлагает тщательнее исследовать истоки конфликтов. Лидеры повстанцев, утверждает он, любят перечислять свои страдания, среди которых – репрессии, эксплуатация, исключения из процессов принятия политических решений и т.д., и некоторые ученые склонны поддаваться на эти «провокации» и рассматривать мятежников чуть ли не как национальных героев. По мнению же Коллиера, жалобы зачинщиков конфликтов служат для их собственного самоуспокоения и создания имиджа «защитников отечества», причем в глазах как местного населения, так и мирового сообщества. Между тем выявить истинные побудительные мотивы для возникновения конфликта не всегда просто. Многие конфликты многослойны: здесь и личная неприязнь между политиками; ненависть между этническими и социальными группами населения; ошибки, сделанные той или иной стороной; неспособность правительств справедливо распределять природные, географические, экономические и социальные ресурсы. Безусловно, считает Коллиер, можно проследить связь между возможностью возникновения конфликта и низким уровнем доходов населения, но при этом возникает законный вопрос: война ли делает страну бедной или бедность становится предпосылкой к войне? По мнению автора, эти процессы протекают параллельно.

Среди причин конфликта Коллиер указывает слабый экономический рост, экономическую стагнацию или спад. В среднем, по его подсчетам, вероятность возникновения гражданской войны в наименее развитых странах составляет 14% в течение пятилетнего периода. В свою очередь, экономический рост хотя бы на 1% тут же на 1% снижает риск возникновения конфликта. И наоборот, как только возможность начала военных действий становится очевидной, зарубежные инвесторы покидают страну, и экономические показатели идут вниз. Таким образом, с одной стороны, экономический спад вызывает войну, с другой – страх перед войной становится причиной экономического спада.

Зависимость различных групп населения Африки от экспорта ценных минералов, нефти, газа, древесины и других полезных ископаемых также повышает риск возникновения гражданской войны. Кроме того, практика предоставления зарубежными компаниями финансовой и технической

помощи мятежникам в обмен на получение контрактов и концессий в случае их победы или даже за возможность разработки месторождений ценных минералов в районах, контролируемых повстанцами, стала обычной в нестабильных районах континента.

Ряд западных исследователей утверждает, что возникновение повстанческих движений и начало военных действий между мятежными группировками и центральным правительством, а также эскалации конфликтов на территории соседних стран, как правило, связаны с возможностью получения прибылей от эксплуатации природных богатств, контрабанды ценного сырья, оружия, наркотиков и использования дешевой рабочей силы. В то же время, войны в Африке возникают из-за неэффективного государственного управления. Продолжение или возобновление конфликта происходит из-за развивающейся «экономики войны». Некоторые повстанческие движения, например Национальный патриотический фронт Либерии, революционный единый фронт Сьерра-Леоне, патриотическое движение Кот-д'Ивуара, даже не выдвигали конкретных политических требований.

Самые ожесточенные конфликты в Африке в последние десятилетия наблюдались в наиболее богатых ресурсами странах – Либерии, Сьерра-Леоне, Анголе и Демократической Республике Конго (ДРК). Более того, природные ресурсы здесь могли эксплуатироваться с применением простейшей технологии, доступной как крупным оппозиционным движениям, так и небольшим повстанческим группировкам. Известно, что и первоначальная цена на добываемые минералы, устанавливалась в ходе конфликта, создавая дополнительные возможности для обогащения его участников.

Другой распространенной причиной гражданских войн в Африке, являются этнические противоречия. К примеру, Сомали, уже в течение долгих лет находится в состоянии политической нестабильности и войны всех против всех. Если проанализировать статистические данные, станет очевидным, что, с одной стороны, связь между этническим многообразием и вероятностью разжигания конфликта не столь ярко выражена. А с другой – в тех обществах, где одна этническая группа составляет большинство населения («этническое доминирование»), но при этом имеются и другие достаточно крупные группы, которые нельзя сбрасывать со счетов, риск вооруженного конфликта довольно высок. Примерами таких ситуаций являются вооруженные столкновения между народностями хуту и тутси в Руанде и Бурунди. Правда, таких случаев сравнительно немного, потому что

большинство африканских стран слишком полиэтнично, чтобы допустить доминирование одной группы.

Вопрос Коллиера: «Почему гражданские войны длятся так долго?» - приобретает особую важность в тех случаях, когда конфликт затихает, но вскоре вспыхивает вновь. Считать ли это одной войной или двумя с коротким миром в промежутке между ними? Как правило, на этот вопрос ответить не просто, но в любом случае, чем ниже экономические показатели страны накануне конфликта, тем дольше он тянется. Кроме того, если предметы национального экспорта становятся более затребованными на мировом рынке, война длится дольше, так как в этих случаях ее легче профинансировать.

Практика свидетельствует, что конфликты между государствами в среднем длятся около шести месяцев, тогда как внутренние гражданские войны продолжаются гораздо дольше. По мере развития конфликта и обогащения его участников они получают, что называется, «вкус к войне». Учитывая высокую стоимость военных действий, выражающуюся как в затраченных средствах, так и в масштабах человеческих жертв и разрушений, можно предположить, что соглашения о прекращении огня достаточно легко добиться, однако зачастую повстанцы столь сильно опасаются сразу после подписания мирного договора с правительством остаться ни с чем, что предпочитают продолжить военные действия.

Типичный пример продемонстрировала Ангола, где повстанческая группировка УНИТА существовала и продолжала воевать благодаря сбыту «конфликтных алмазов», а правительство, в свою очередь, использовало доходы от нефти. Возможности перемирия с центральным правительством и доступ лидера повстанцев Джонаса Савимби к алмазным копиям сократились в результате действий международных посредников.

Окончание войны вовсе не означает окончание конфликта, утверждают западные аналитики. Более того, сам факт, что страна уже пережила конфликт, удваивает возможность его возобновление. Только около половины государств, сумевших преодолеть политический кризис, смогли «продержаться» в относительно мирном состоянии более десяти лет.

Правительства постконфликтных стран, как правило, функционируют в обстановке постоянной угрозы их существованию. Обычно они реагируют на подобную ситуацию доведением военных расходов до чрезвычайно высокого уровня. Правительственная армия в годы после урегулирования конфликта выглядит так, как будто война и не прекращалась. А скопление в стране разнообразного оружия (в Сомали, например, количество единиц

огнестрельного оружия превышает численность населения), доступного всем от мала до велика, делает обстановку крайне взрывоопасной.

Одним из важнейших вопросов, который в последнее время поднимается аналитиками при рассмотрении проблем безопасности в Африке, является меняющийся статус национальных армий на континенте. По мере распространения насилия и роста числа мелких очагов конфликтов государственные армии все чаще замещаются группами и отрядами наемников. Сотрудничество между частными иностранными военизированными компаниями, специализирующимися на охране политических лидеров и помощи им в период осуществления военных действий в зонах конфликтов не только способствует их пролонгации, но и влияет на уровень безопасности в регионе в целом. Купля-продажа самой «безопасной» как специфического товара стирает грани между политикой и бизнесом, а «приватизация безопасности» в зоне конфликта способствует его эскалации.

Процесс разрешения политических конфликтов путем переговоров в Африке не эффективен. Они необходимы для установления порядка на континенте в целом или в регионе, а также для урегулирования двусторонних отношений и стабилизации обстановки в отдельной взятой стране. Переговоры как способ разрешения конфликтов используются в тех случаях, когда сам конфликт достигает тупика, конфликтующие стороны не в состоянии его продолжать, но спорные вопросы остаются нерешенными.

Многие аналитики указывают на четыре причины неэффективности прямых переговоров.

Во-первых, конфликт нередко приобретает личный характер, и «дискуссии» между сторонами становятся настолько эмоциональными, что не оставляют места для рационально принятия решения. Так, в конце 1990-х – начале 2000-х гг. личная неприязнь между Робертом Мугабе (Зимбабве) и Нельсоном Манделой (ЮАР), Лораном Кабилой (ДРК) и Йовери Мусевени (Уганда), между Лораном Кабилой и Манделой, Джозефом Кабилой (ДРК) и Полем Кагаме (Руанда) заметно препятствовала политической стабилизации в регионе.

Во-вторых, африканские конфликты нередко становятся политическим пространством для соперничающих держав за местных союзников, т.е. изначально двусторонние конфликты не остаются таковыми, а привлекают внешних участников. Это обстоятельство мешает разрешению кризиса путем прямых переговоров, усиливая роль посредничества.

В-третьих, зачастую стороны конфликта не заинтересованы в его разрешении либо в связи с получаемыми ими экономическими выгодами от

его продолжения, либо из-за его локальности. Обычно центральное правительство сквозь пальцы смотрит на вооруженные стычки на окраинах страны, если конфликт прямо не затрагивает его интересов. Только вмешательство международного сообщества, озабоченного ростом числа человеческих жертв и нарушением прав человека, может вынудить сторону сесть за стол переговоров.

В-четвертых, наблюдая безрезультативные попытки урегулирования кризиса путем переговоров в соседних странах, стороны как бы «убеждаются» в неэффективности самого процесса и даже не пытаются предпринять какие-либо шаги.

Об этом свидетельствует целый ряд примеров неэффективности прямых переговоров на континенте. Так, разгоревшиеся в разные годы конфликты между Анголой и Заиром, Сомали и Эфиопией, Суданом и Эфиопией, Мали и Буркина-Фасо, Нигерией и Камеруном, Сенегалом и Мавританией не были урегулированы на двусторонних саммитах. Прогресс в их разрешении был достигнут только при участии посредников. Даже во внутренних войнах, в которых особенно трудно посредничать, разрешение конфликта достигалось с помощью третьей стороны: в Анголе – в 1990 и 1994 гг., Либерии – между 1991 и 1996 гг., Эфиопии – в 1991 г., Мозамбике – в 1992 г., Руанде – в 1993 г., Сьерра-Леоне – в 1996 г., Бурунди – в 1998 г., Лесото – в 1994 и 1998 гг. и т.д.

Одним из признанных лидеров в изучении африканских конфликтов и роли США в их разрешении, по праву считается американский политолог Дональд Ротшильд, полагающий, что вмешательство третьей стороны в процесс разрешения конфликта зачастую оказывается не только важным, но и первостепенным. Соединенные Штаты неоднократно выступали в качестве «третейского судьи». Участие Вашингтона в переговорных процессах в таких странах, как, например, Либерия и Судан, в значительной степени способствовало успеху миротворчества или, по крайней мере, появлению у сторон готовности сесть за стол переговоров.

Однако, как отмечает Ротшильд, к настоящему времени роль США в разрешении политических конфликтов стала снижаться. И это связано не только с истощением американского госбюджета и военных ресурсов из-за войн в Ираке и Афганистане, а также обострением внутренних экономических проблем, но и с появлением нового сильного соперника – Китая, который активно занимается поиском африканских союзников и проводит обширную торгово-экономическую экспансию континента, таким образом подрывая здесь позиции США. Автор справедливо указывает, что пока у американцев остается возможность заметно повлиять на

внутриполитическую ситуацию в Судане, но и здесь можно предположить некоторое ослабление их роли в связи с необходимостью для американского правительства сконцентрироваться в полной мере на своих внутренних делах. Кроме того, в настоящее время, если не считать нефти из Нигерии, Анголы и Экваториальной Гвинеи, у США нет других достаточно серьезных экономических интересов в Африке, чтобы расходовать средства и рисковать жизнью американцев в продолжающихся конфликтах.

При формировании своей внешней политики США стали сторонниками избирательного вмешательства в кризисные ситуации в Африке, лишь в редких случаях занимая активную позицию с целью установления порядка и политической стабильности. По мнению Ротшильда, в обозримом будущем более заметное место в разрешении конфликтов будет отводиться таким формам участия, как осуждение, дипломатическое давление, политическая поддержка африканских союзников и санкции.

Тактику осуждения правительства и обвинения его в нарушении прав человека американцы использовали в связи с событиями в Дарфуре, а также в Зимбабве, Либерии и ЮАР в основном потому, что критические заявления было относительно легко сделать и они, в сущности, ничего не стоили для США. Не следует переоценивать такие способы урегулирования конфликтов и обеспечения стабильности: если обвинения и увещания не сопровождаются более активными и весомыми действиями, возможность с помощью критики и призывов изменить ситуацию представляется сомнительной. Когда осуждение, мягкое дипломатическое давление и поддержка той или иной стороны оказывались неэффективными, США прибегали к военным, политическим и экономическим санкциям. Санкции (или просто их угроза) резко повышают стоимость военных действий или просто выживания для участников конфликта и нередко приводят к положительному результату. Введение в соответствующие годы экономических санкций против Родезии, ЮАР времен апартеида, Либерии и Судана изолировало эти режимы, резко снизив возможности бизнеса и привлечения инвестиций. Хотя действие санкций, как и других мягких форм вмешательства, также нельзя переоценивать, следует признать, что они оказывали определенное влияние на изменение поведения сторон в конфликтах.

Наиболее эффективными для разрешения конфликтов считаются миротворческие и гуманитарные акции, которые нередко предполагают использование военной силы: в форме традиционного миротворчества, нацеленного на прекращение огня, принуждение сторон к мирным переговорам или создание своего рода буфера между воюющими группами, а

также многосторонние миротворческие инициативы, которые включают в себя не только создание условий для прекращения военных действий, но и разоружение или, наоборот, реорганизацию армии с участием бывших противников.

Самой трудной частью процесса миротворчества является привлечение к столу переговоров самых многочисленных и наиболее известных своей жестокостью объединений. В подобных сложных ситуациях требуется активное использование международной помощи санкционированной мировым сообществом в лице ООН или региональных организаций. Здесь примером может служить предоставление Соединенными Штатами военной помощи миротворческим силам ООН в Анголе, Западной Сахаре, ДРК, Руанде, Сьерра-Леоне, Эфиопии (Эритрее), Бурунди, Либерии и Судане.

«Интервенция» в Сомали отличается от обычной практики мягкого вмешательства американцев в конфликты в Африке тем, что здесь военные США оказались на территории почти полностью разваливающегося государства и что с самого начала не было ясно, каким должен быть успешный результат миссии и когда будет возможен выход американцев из страны. В известном смысле, ситуация напоминает то, что случилось в Ираке.

В целом, перспективы разрешения конфликтов в Африке путем переговоров и посредничества достаточно ограничены и возможны только при наличии ряда условий, среди которых: образование тупика, в который зашли обе стороны в конфликте из-за отсутствия у них политических целей и средств для продолжения вооруженных действий; наличие лидеров готовых к политическому урегулированию; сильное внешнее давление для достижения согласия. В таких условиях третья сторона может осуществить успешное посредничество.

Таким образом, международная ситуация на африканском континенте является сложной и чрезвычайно противоречивой. Ее стабилизация в современных условиях во многом зависит от всестороннего сотрудничества государств в важнейших сферах жизни народов континента.

РАЗДЕЛ VI. Современная международная ситуация на азиатском континенте

Большое влияние на современный политический процесс в Азии оказывает бурный рост экономики в ведущих странах континента – Китае, Японии, Южной Корее, России, Индии, Индонезии, Филиппин, Турции, Ирана, Саудовской Аравии, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и других. Сегодня страны Азии производят более половину мировой продукции, а такие государства как Китай и Япония входят в пятерку самых экономически развитых государств на планете.

В осуществлении внешней политики ряд азиатских государств опираются на современные вооруженные силы. Среди них Китай, Россия, КНДР, Индия, Израиль и Пакистан имеют ядерное оружие, а Япония и Иран близки к его созданию.

Растет международный имидж Азии, являющийся важным ресурсом ее внешней политики. Политическая модернизация, значимая ресурсная база азиатских стран способствует осуществлению активной внешней политики и росту сотрудничества как внутри континента, так и за его пределами. Одной из важнейших задач этого процесса является международная интеграция. Государства Азии сегодня стремятся, исходя из своих национальных интересов, строить свои взаимоотношения на взаимовыгодных условиях в области экономики, безопасности, культуры, образования, туризма и пр. Активно содействует этому дипломатия и континентальные международные организации АТЭС, АСЕАН, ШОС, ЛАГ, СЕССПЗ, ОАС, двусторонние международные отношения государств региона. Успешность здесь во многом зависит от благоприятной международной ситуации в регионе.

Так, Ассоциация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества своими важнейшими задачами считает создание свободной экономической зоны, расширение взаимосвязей с Евросоюзом, латиноамериканским МЕРКОСУР, Африканским Союзом. На саммите АТЭС в Перу (2018 г.) его участники подчеркивали необходимость расширения взаимодействия государств региона в современных условиях. Такой подход не устраивает США, которые в последние годы теряют свои ведущие позиции в организации. Об этом неоднократно говорил экс-президент Б. Обама. А ныне действующий президент Д. Трамп заявил о скором выходе Соединенных Штатов из Азиатско-Тихоокеанской организации экономического сотрудничества. Столь одиозная позиция США возникла в результате усиления влияния Китая и России в ней, которые выступают за

равные возможности взаимодействий в рамках АТЭС. Особенно озаботило Белый Дом открытие в рамках ассоциации регионального банка Китая, с капиталом в 40 млрд. долларов. Его ресурсы используются для развития экономики государств, входящих в ассоциацию.

В 2018 г. Китайская Народная Республика выделила инвестиции для развития сотрудничества с государствами Африки – 60 млрд. долларов на предстоящие 10 лет. Расширение внешнеэкономической деятельности Китая получило бурную негативную реакцию США. Они обвинили КНР во вмешательстве во внутренние дела африканских государств, что вызвало у международной дипломатии большое недоумение. Имперские амбиции США и сегодня в просвещенном мировом сообществе чрезвычайно высокие, но в связи с нарастанием многополярности мировой политики и международных отношений соответственно тают.

Наряду с Китайской Народной Республикой активно развивает внешнюю политику в азиатском регионе и на международной арене Российская Федерация. В принятой концепции внешней политики РФ (30 ноября 2016 г.) подчеркивается: «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентрической международной системы... Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион».

В XXI столетии Россия значительно расширила свое влияние на международной арене. Особое внимание при этом она уделяет отношениям со странами Азии. Среди стратегических партнеров РФ в регионе и в мировой политике является Китайская Народная Республика. Объем торговли за этот период между странами достиг почти 100 млрд. долларов. Успешно расширяются и развиваются связи РФ с азиатскими странами: Индией, Японией, Южной Кореей и КНДР, Филиппинами, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, Сирией, Республикой Кипр и др. В начале века трудно было представить установление взаимовыгодных отношений России с целым рядом указанных государств.

Задачи расширения внешнеполитического сотрудничества в современных условиях являются актуальным для Южной Азии. Как известно, локомотивом внешнеэкономической деятельности в регионе является Индия со своими богатыми минеральными и людскими ресурсами.

Сегодня государства Южной Азии в рамках ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) и двухсторонних отношений выступают за более активные взаимодействия по развитию национальных экономик и в других областях жизни. Приоритетными направлениями сотрудничества стран

СААРК в регионе является АТЭС, АСЕАН, ШОС, особенно Китай и Россия. Это, прежде всего, инвестиции, рынки сбыта, новые технологии производства, рабочая сила, туризм и культурно-образовательный обмен. Для стран с развивающейся экономикой Южной Азии сегодня это чрезвычайно актуально. В последние годы ведущие страны региона добились значительных показателей роста экономики, продвинулись в международном сотрудничестве. К примеру, рост ВВП Индии составляет в пределах 9 процентов. При этом западные аналитики прогнозируют устойчивое развитие экономики страны на целый ряд лет. Рост ВВП в экономике других стран региона колеблется в пределах 4-5 процентов. Активное сотрудничество государств региона способствует этому.

В начале XXI столетия значительное развитие политического процесса происходит в Юго-Восточной Азии. Базируется он на основе проводимых в странах региона политических и экономических реформ. В международном сотрудничестве государств Юго-Восточной Азии активно используются двухсторонние договоры во многих областях жизни. При этом приоритетное положение здесь занимает экономика, проблемы ее развития в современных условиях. Активное содействие экономическому сотрудничеству оказывает созданная региональная международная организация АСЕАН (1967 г.), членами которой являются Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Сингапур, Бруней, Лаос, Камбоджа, Мьянма.

На современном этапе страны Юго-Восточной Азии в своей внешней политике постоянно наращивают партнерские связи как в рамках региона, так и с другими государствами мира. На основе диалога АСЕАН активно сотрудничает с Китаем, Индией, Японией, Россией, США и рядом других стран.

Актуальной проблемой внешнеполитической деятельности государств в регионе, по мнению основателей АСЕАН, является более широкое привлечение партнеров к диалогу для решения задач развития региона. Механизмами осуществления такого партнерства считаются такие международные площадки, как «Региональный форум», Восточно-Азиатский саммит (ВАС), а также заключение договоров АСЕАН со странами диалога о дружбе и сотрудничестве. Страны-участницы региональной международной организации ведут активную дипломатию в этом направлении, однако результатов пока нет. Стремление АСЕАН стать третьим после Китая и Индии в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии не находит поддержки в этой части азиатского континента.

Среди важнейших задач развития политического процесса в Центральной Азии, прежде всего, следует выделить проблемы углубления

политической модернизации в бывших союзных республиках – Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане. Сегодня, молодые государства стремятся, исходя из национальных интересов, определить важнейшие направления внешней политики внутри региона и на всем азиатском пространстве. В утвержденных концепциях их внешней политики подчеркивается ее миролюбивый характер, многовекторность и стремление стать равноправными участниками международного сотрудничества.

Важную роль в этом играет Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 году. В рамках этой региональной организации, включающей Китай, Россию, молодые государства бывшей средней Азии и вступивших в нее позднее Индии и Пакистана решают многие задачи развития экономического сотрудничества в современных условиях. Рост ВВП бывших среднеазиатских республик СССР в последние годы колеблется в пределах 4-5%. Выделяются при этом Казахстан и Туркмения, которые имеют самые высокие показатели ежегодного прироста валового внутреннего продукта. Сказываются здесь такие факторы, как значительное кредитование Китая и Росси, а также большие минеральные ресурсы молодых государств в Центральной Азии. Особенно богат ими Казахстан, располагающий значительными запасами нефти, газа, урана, плодородными землями и многое другое.

На путях независимости главной проблемой молодых государств Центральной Азии остается выбор пути развития и направленности внешней политики.

Если говорить о политической модернизации, государствам региона предстоит, исходя из большого исторического опыта народов нашей планеты, разумно сочетать цивилизованность и современные вызовы и альтернативы теперь все более многополярного мира. Это важнейшее обстоятельство, на наш взгляд, теперь будет определять содержание внешней политики государств Центральной Азии.

Сегодня однозначно два приоритетных вектора внешней политики стран региона – Китай и Россия. Уровень партнерства в рамках ШОС характеризуется активным и эффективным взаимодействием государств. Однако при этом есть третья сторона – Запад и США. Это направление внешней политики стран Центральной Азии предстоит определять исходя из национальных интересов и основных постулатов мировой политики на современном этапе.

Но самое большое число проблем во внешней политике государств Западной Азии и на Ближнем Востоке. Процесс политической модернизации в регионе проходит медленно. Консервативные тенденции исторически

сложившегося уклада жизни постоянно поддерживаются исламом. Республиканизм здесь больше провозглашается, чем осуществляется в жизни. К светскому образу жизни в регионе можно отнести с большими оговорками лишь Израиль, Турцию, Ливан, Республику Кипр, Ирак. Остальные 10 государств Ближнего востока – конституционные монархии, а Иран является религиозным государством. «Арабская весна» значительно активизировала политический процесс в Западной Азии, однако он не приносит больших изменений в жизни людей.

Во внешней политике государств региона другими актуальными проблемами являются достижение ее независимости от США и стран Запада, установление прочного мира, развитие сотрудничества стран в регионе и на международной арене.

У государств Западной Азии имеются большие возможности вести внешнюю политику активно и эффективно во благо своих народов. Однако интересы ведущих стран мира в регионе мешают позитивному процессу. Ближний Восток – это центр 3-х мировых религий – ислама, христианства и иудаизма, богатейший регион минеральных энергоресурсов, туристических возможностей. Борьба за эти ресурсы является сегодня негативным фактором в осуществлении государствами политической модернизации, в развитии экономики и установлении мира в регионе. В связи с этим нет оснований говорить о развитии современной государственности и активной экономической жизни в регионе, и, следовательно, о конструктивной внешней политике стран Западной Азии.

Международные организации – Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) оказывают слабое влияние на развитие политического процесса в регионе. США и Запад всячески поддерживают раскол исламского мира – подогревают противостояние между ветвями ислама – шиитами и суннитами.

Поездка президента США Д. Трампа в Саудовскую Аравию (2016 г.), его обвинения государства Катар в поддержке терроризма внесли раздор в объединение стран Персидского залива. В течение полугода небольшое государство находилось в изоляции.

США не напрасно обратили внимание на Катар, который имеет большое влияние в регионе, осуществляет независимую внешнеэкономическую политику, поддерживая разносторонние связи со многими государствами. Катар имеет огромные запасы газа, сравнимые с российскими. США, выступая против Катара в 2016 г., пытались решить две

задачи – лишить его лидерских позиций в регионе и ослабить его конкурентные возможности на мировом рынке газа.

Наряду с проблемами политической модернизации и ее роли в осуществлении внешней политики и развитии внешнеэкономических связей в странах Азии актуальными являются на современном этапе вопросы безопасности в столь большом регионе мира. На нашей планете нет сегодня такого беспокойного континента как Азия. Во всех ее частях, к сожалению, происходят конфликты с применением силы на территориальной, этнической и религиозной почве, а также в борьбе за лидерство в регионе. В последние годы в Западной Азии значительно вырос религиозный радикальный терроризм.

Причины обострения безопасности в регионе известны. К ним относятся религиозная нетерпимость, исторически доставшиеся неразрешенными территориальные споры, колониальное прошлое и современная политика США в различных районах мира.

Актуальность проблем безопасности в Азии усугубляется наличием ядерного оружия у ряда государств региона. Особенно опасным в этом является положение дел в Восточной Азии. Здесь после окончания «холодной войны» достигнут международный формат 2х2, т.е. баланс сил четырех ведущих стран мира: Китая, США, России и Японии. Данный формат уравнивает борьбу за лидерство в регионе, однако конфликтная ситуация вокруг Северо-Корейской ядерной программы усложняет здесь обстановку.

Переговоры между США и КНДР, которые ведут их лидеры Д. Трамп и Ким Чен Ын пока не дают результатов. Последний их саммит во Вьетнаме обнажил целый ряд неразрешенных сегодня проблем. США стремятся к полному разоружению КНДР и прекращению ядерных испытаний, денуклеаризации Корейского полуострова. В свою очередь, лидер КНДР Ким Чен Ын потребовал от США прекращения экономических санкций, снижение присутствия американских вооруженных сил вблизи КНДР, а также недопущения военных учений в регионе.

МИД России, в лице министра Лаврова С. В., оценивая итоги переговоров в интервью СМИ подчеркнул необходимость уступок сторон для достижения цели. Судя по заявлениям лидеров стран-переговорщиков, такая работа будет вестись и их встречи будут продолжены.

Наконец, третья актуальная проблема в области безопасности в Восточной Азии является спорная принадлежность островов в регионе после окончания Второй мировой войны. Общее число их насчитывает около 350, но представляют интерес 250. Мировая конференция в Сан-Франциско после

окончания войны оставила без внимания их принадлежность. В настоящее время после изучения спорных территорий ряд государств стали объявлять их своими. Это, прежде всего Китай, Япония, Южная Корея, Вьетнам, Индонезия, Филиппины и др. Некоторые из названных государств, особенно Китай и Япония, ведут на более значимых островах хозяйственную деятельность, строят фортификационные сооружения, осуществляют их охрану на воде и воздухе.

В августе 2017 г. был принят рамочный проект кодекса поведения сторон в ЮКМ и в марте 2018 года во Вьетнаме начались переговоры уже по тексту самого Кодекса, хотя все с ним остается пока неясным и перспективы его осуществления туманные. «Рамочный» проект Кодекса поведения сторон в ЮКМ был принят, но серьезные разногласия по нему остались. Китай хочет превратить его в простое «джентельменское соглашение», тогда как Вьетнам настаивает на его обязывающем юридическом характере. Не определена география его будущего действия, не предполагается создание механизма для решения споров и другие проблемы. Сторонам предстоит пройти еще долгий путь к согласию, хотя Кодекс, даже если и будет принят, не касается проблем суверенитета в ЮКМ.

Все что строит и размещает Китай на островах в ЮКМ, является ничем иным, как определенной милитаризацией. Хотя по содержанию этого понятия среди ученых имеются разные мнения, но такое освоение в ЮКМ продолжается усиленными темпами. Не отстает и Тайвань на занимаемом им самом большом острове Тайпинидао в архипелаге Спратли. Начали укреплять свои посты на островах Вьетнам, Филиппины и Малайзия. Индонезия наращивает свои вооруженные силы на островах Натуну.

Заметно участились маневры ВМС Китая в ЮКМ. В апреле 2018 г. Китай провел 4 таких учения, собрав все свои современные военные корабли и атомные подводные лодки для самой большой в истории страны демонстрации силы. На борту 48 кораблей, включая первый авианосец «Ляонин», было более 10 тысяч моряков. В маневрах с десантом и стрельбой боевыми снарядами приняли участие 76 самолетов. Командовал учениями сам Председатель КНР Си Цзиньпин.

Возобновились и операции ВМС США по свободе судоходства в регионе. Они заключаются в так называемом «мирном проходе» американских эсминцев через зону ближе 12 миль вокруг китайских искусственных островов. В ответ раздаются предупреждения и угрозы китайских военных и поднимаются самолеты сопровождения.

Одновременно продолжается наращивание военного присутствия США в регионе. В акватории ЮКМ появились авианосцы США в сопровождении

целых флотилий боевых кораблей. Все чаще там проводят учения и крупные военные корабли Китая, Японии, Англии, Франции и Австралии.

Инциденты в ЮКМ не прекращаются, особенно в районе Парасельских островов между китайскими сторожевыми кораблями и вьетнамскими рыбаками. 23 марта и 20 апреля 2018 г. в этом районе два китайских сторожевых корабля в очередной раз потопили рыбацкие шхуны из провинции Куангнгай. Рыбаков спасли другие вьетнамские корабли.

Ситуация в соперничестве Китая и США в ЮКМ далеко не простая, но на данный момент она стала тем, что называется «новой нормальностью». Демонстрации силы сторон становятся привычными. Однако военное столкновение остается маловероятным. США нужна контролируемая напряженность. Китаю – мобилизация напряженной сплоченности народа. Ни Китай, ни США войны не хотят, да и не могут себе позволить зайти слишком далеко, учитывая огромную экономическую взаимосвязанность при всех противоречиях. Они оба хотят использовать напряженность в горячих точках региона для повышения своего влияния и роста доходов. США будут продолжать антикитайскую политику в регионе, и убеждать всех других в справедливости своей позиции.

Политика России в ЮКМ носит взвешенный характер, отражая столкновение двух противоположных направлений политики великих держав на глобальном и на региональном уровнях. На глобальном уровне требуется системное балансирование с целью контроля и блокирования сильнейшей державы в этой системе – США. На региональном уровне она кровно заинтересована в сохранении мира и безопасности и в развитии экономического сотрудничества как с Китаем, Вьетнамом а также другими странами АСЕАН, без которых невозможно решение важнейшей стратегической задачи – подъема и развития наших районов Сибири и Дальнего Востока.

В интересах России поддерживать стремление Вьетнама и АСЕАН к сохранению единства, независимости и своей главной роли в регионе – асеаноцентричности. Взятый администрацией Д. Трампа курс на создание четырехстороннего антикитайского альянса США, Японии, Индии и Австралии, как и его доктрина Индо-Тихоокеанского региона ставит, прежде всего, Вьетнам и другие страны АСЕАН в слишком опасное положение на передовой линии этого противостояния. Это никак не отвечает интересам Вьетнама. Как и другие страны АСЕАН он не намерен вмешиваться в противоборство США и Китая, реально рискуя стать побочной «жертвой» этой битвы титанов. Вьетнаму приходится проявлять величайшую гибкость и

осторожность, чтобы избежать превращения в разменную монету или пешку на шахматной доске их геополитики.

Принадлежность островов в Южно-Китайском море и других регионах Восточной Азии представляют собой большую проблему. Разрешение ее, видимо, следует искать на уровне Организации Объединенных Наций, которая призвана мирным путем остановить рост напряженности в островном районе.

В феврале 2019 г. в Южной Азии в очередной раз разгорелся давно тлеющий конфликт между Индией и Пакистаном из-за Кашмира. Из пакистанского лагеря сторонников ИГИЛ террорист на небольшом автомобиле, начиненном взрывчаткой, проник на территорию Индии и направил машину со взрывчаткой в движущуюся колонну индийских военных-спецназовцев. От взрыва погибло 45 военнослужащих. Вооруженные силы при этом обменялись авиаударами, есть погибшие.

Разгоревшийся конфликт был остановлен под давлением международной общественности и ведущих государств мира. В пользу мирных переговоров высказалась Россия.

Как известно, проблема Кашмира возникла при обретении независимости Индии, раздела ее территории и создании Пакистана, Бангладеш и Шри-Ланки. Территория его насыщена богатыми ископаемыми и населена мусульманами. Их число в Кашмире превышает 90 процентов. Разрешение конфликта, как указывают международные аналитики, следует искать, опираясь на объективные факторы и нормы международного права.

Проблемы безопасности присутствуют сегодня в Западной Азии. В Йемене, Сирии и Афганистане продолжаются военные действия, в которых участвуют как арабы, так и коалиции государств во главе с США, Россией и Саудовской Аравией. По своему существу все шесть конфликтов на Ближнем востоке являются религиозно-этническими.

Самой актуальной задачей в регионе в современных условиях является необходимость остановить военные действия. В противостоянии Палестина – Израиль важно восстановить переговоры в рамках их международного формата 2 x 4 – Израиль, Палестина и посредники ООН, ЕС, США и Россия. С помощью компромиссов следует решить вопросы взаимопризнания государственности Израиля и Палестины, прекращения строительства еврейских поселений, подтверждения международного статуса Иерусалима в соответствии с решениями ООН от 24 октября 1947 года. В этом должна быть проявлена политическая воля всех участников переговорного процесса.

Актуальной проблемой безопасности в Западной Азии является прекращения религиозного противостояния шиитов и суннитов – главных

ветвей ислама. Радикальные исламистские идеи несет в Турции нурджизм, западноевропейская «концепция уммы» швейцарского профессора арабского происхождения Торики Рамадана и др. Разноголосый подход лидеров течений ислама к проблемам арабской цивилизации усугубляет обстановку во всем исламском мире, не способствует безопасности в регионе. Практическим выражением этого явились семилетние события в Сирии, на территории которой при поддержке США обосновались радикальные силы, поставившие главной задачей ИГИЛ – воссоздание Арабского Халифата в современных условиях. Только помощь извне, действия коалиций во главе с Россией и США удалось обуздать кровопролитие в Сирии.

Важнейшей проблемой завершающего этапа борьбы с ИГИЛ является воссоздание политического процесса в САР, проведение выборов и принятие новой Конституции. Россия, Иран, Турция и ООН активно содействуют этому, преодолевая различные дипломатические увертки.

Как видно, проблемы безопасности в Азии очень остры, многолики, порой непредсказуемы. Их незамедлительное активное разрешение является чрезвычайно важной задачей государств Азии и мирового сообщества в целом.

Таким образом, современная Азия на перекрестке двух последних столетий демонстрирует активное развитие интеграционного процесса на континенте. Важную роль в этом играют региональные подсистемы международных отношений, которые позитивно влияют на развитие сотрудничества государств во всех сферах жизни людей. Среди них наиболее успешной является шанхайская организация сотрудничества ведущих государств континента. На наш взгляд эта международная структура может объединить все регионы Азии в борьбе за лидерство в мире.

Международная ситуация на азиатском континенте представляет собой сложный, но перспективный геополитический процесс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработанные учеными-аналитиками в России и на Западе положения «Политического анализа» занимают в изучении развития общества, политического процесса и международных отношений важное значение. Универсальный общенаучный характер метода анализа во взаимодействии с синтезом стал основой в изучении большой динамики мировой политики и международных отношений. Сегодня мы исходим из понимания политического анализа как широкого комплексного метода исследования международных реалий

Столь важное научное направление стало составной частью науки о мировой политике и международных отношениях, а в прагматическом плане является основой для принятия верных оценочных и управленческих решений и прогнозирования. Вышесказанное означает, что международно-политический анализ выступает и методом, и методологией изучения международных отношений и мировой политики. Они предполагают мысленное или фактическое разложение объекта исследования на составные части и изучение их сущностных свойств и характеристик с целью последующего объединения (синтеза) в единую картину, дающую представление о внутренних взаимосвязях, особенностях и тенденциях на новом научном уровне.

Чрезвычайно важно в этом то, что использование методов анализа и синтеза дает возможность изучить динамичную современную международную ситуацию и принять верные подходы по её осмыслению и действительному разрешению.

Высокое значение политического анализа как части теории международных отношений и практики их осуществления стало необходимым и востребованным включение учебной дисциплины «Анализ международной ситуации» в программе подготовки магистров-международников в высших учебных заведениях.

Полученные студентами знания могут использоваться в ходе подготовки магистерских диссертаций и научных статей.

Большую ценность приобретенные знания имеют в профессиональной деятельности выпускников – магистров.

Автор настоящего пособия стремился наглядно показать значимость учебного курса при рассмотрении современных международных отношений, сотканных из большого массива международных ситуаций. При этом, нас интересуют прежде всего актуальные проблемы международных отношений,

которые определяют понимание их современного состояния и перспектив развития. В Европе - это изучение кризисного состояния Европейского Союза. Как указывала канцлер Германии госпожа А. Меркель – это разноскоростное развитие стран-участниц ЕС, Брекзит Великобритании, политическая разногласия европейских государств по вопросам экономики, внешняя миграция, отношения с Россией, давление на Евросоюз со стороны Соединенных Штатов Америки.

На американском континенте такими актуальными проблемами современной международной ситуации является новое функционирование свободной экономической зоны торговли «НАФТА», взаимоотношения США и латиноамериканских государств, развитие которых испытывает мощное давление северного соседа, проблемы «левизны» в развитии Кубы, Венесуэлы, Боливии, Никарагуа и других государств Южной и Центральной Америки.

Современная международная ситуация на африканском континенте складывается на базе таких актуальных проблем, как процесс интеграции и роль в нем Африканского союза, политическая модернизация в государствах региона, религиозно-этнические конфликты на современном этапе, встраивание экономики африканских стран в мировой народно-хозяйственный комплекс.

Вызывает при этом научный интерес программа Африканского Союза «Повестка 2063», которая призвана обеспечить выход к этому времени стран континента на уровень развития ведущих регионов мира. Институт Африки Российской Академии наук в результате анализа положения дел на континенте считает возможным осуществления данного проекта развития. Весомыми аргументами такого вывода являются огромные минеральные ресурсы, быстро растущее население и молодая рабочая сила, а также все возрастающий интеллект стран континента, развивающаяся интеграция и широкое международное сотрудничество.

Наконец, следует подчеркнуть важность анализа международной ситуации в Азии, которая в современных условиях выходит на позиции главного континента по развитию в мире.

На наш взгляд, в этом регионе актуальными являются такие международные процессы, как интеграция, экономическое сотрудничество в условиях все возрастающей конкуренции и давления транснациональных корпораций, проблем целого ряда конфликтов, особенно, на Ближнем Востоке. Большую опасность они таят в Южно-Китайском море, в Кашмире, Палестине и Израиле, Сирии, Йемене и Ираке. Конфликты играют

негативную роль в возникновении опасных международных ситуаций в регионе. Политический анализ призван содействовать их разрешению.

Таким образом, научное направление «Политический анализ», являющийся составной частью теории международных отношений при творческом его усвоении в ходе обучения в магистратуре создает возможность всестороннего анализа международных событий – ситуаций для принятия действенных управленческих решений и их прогнозирования в будущем.

ГЛОССАРИЙ

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – государства, расположенные по периметру Тихого океана, и островные страны в океане. Формирующийся мировой полюс экономической мощи (наряду с США и Западной Европой). Крупные государства, относящиеся к региону АТР: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Канада, КНДР, КНР, Колумбия, Мексика, Перу, Россия, Южная Корея, Сингапур, Таиланд, США, Филиппины, Чили, Эквадор, Япония.

Андское сообщество – организация, которая включает Боливию, Колумбию, Перу, Чили (вышла из сообщества в 1976 году), Эквадор. Создано в мае 1969 года. Целями организации является выработка единой экономической политики, гармонизация законодательства, установление тесных связей между регионами Андского Сообщества.

«Арабская весна» – революционная волна демонстраций и протестов, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 года. Произошли революции в Тунисе и Египте; гражданская война в Ливии, которая привела к падению режима; гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко, Омане и Западной Сахаре. Столкновения на границе Израиля в мае 2011 года тоже были спровоцированы местной Арабской весной. Основным лозунгом демонстрантов в арабском мире был «Народ хочет падения режима».

АСЕАН – Ассоциация Юго-Восточной Азии – была основана в 1967 году. Первоначальные участники: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Таиланд. Затем присоединились Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Основные цели организации – экономическое, социальное, политическое и культурное сотрудничество, развитие интеграционных процессов в регионе.

Африканский союз – международная межправительственная организация, объединяющая 54 государства Африки. Правопреемник Организации африканского единства. Основана в июле 2002 года. Штаб-квартира находится в Аддис-Абебе (Эфиопия).

Ближний Восток – регион, расположенный в Западной Азии и Северной Африке. Включает страны Азербайджан, Армению, Бахрейн, Грузию, Египет, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Палестинскую национальную администрацию, Сирию, Саудовскую Аравию, Турцию.

Блок – объединение нескольких государств в целях повышения их геополитического качества и влияния на международные отношения. Выделяются военно-политические и экономические блоки.

Великий Туран – геополитическая идея создания единого государства тюрков. Появилась в начале XX века в Турции.

ГУАМ – межгосударственное объединение стран – Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова. Создан в противовес СНГ (Содружеству независимых государств).

Диаспора – пребывание значительной части народа (этнической общности) вне страны своего происхождения.

ЕвраАзЭС – Евразийское экономическое сообщество. Образовано в 2000 году на базе учрежденного в 1995 году Таможенного союза. В состав ЕвраАзЭС вошли Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Власть – способность, право и возможность распоряжаться кем-либо, господство над людьми, система государственных органов или лица, обеспеченные государственными властными полномочиями.

Демократия – власть народа.

Диктатура – неограниченная власть одного лица, группы или класса, опирающаяся на вооруженное насилие.

Европейский союз – интеграционное объединение, в составе которого входят 28 государств. Сам Союз был оформлен Маастрихтским договором в 1992 году на основе Европейских сообществ. ЕС сочетает в себе признаки международной организации (сотрудничество между государствами) и государства (надгосударственность). У ЕС есть собственная валюта – евро.

Жесткая сила – применение жестких инструментов власти или политики (военных экономических аспектов) для подчинения интересов других политических сил.

Ислам – мировая религия. Ислам означает «повиновение» (некоторые трактуют как «предание себя Богу», «подчинение»). Священная книга ислама – Коран. Существуют «пять столпов ислама»: символ веры (шахада), молитва пять раз в день (намаз), пост (саум), милостыня (закят) и паломничество (хадж). Следуют учению пророку Махаммеду. Пророк Махаммед – пророк ислама, направленный Богом ко всему человечеству. Ислам имеет несколько течений – суннизм и шиизм.

ЛАГ – Лига арабских государств – политическая и экономическая организация, созданная в 1945 году и включает 21 государство и Организацию освобождения Палестины. Штаб-квартира находится в Каире (Египет).

МЕРКОСУР – общий рынок стран Южной Америки. Экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Парагваем и Венесуэлой. Основано в 1991 году. Страны МЕРКОСУРА

стремятся к содействию свободной торговли между странами, гибкому движению товаров, населения и валюты стран-участников объединения.

Мусульманин – верующий в истинность ислама.

Мягкая сила – распространение определенных политических, культурных ценностей без применения военной силы.

НАФТА – (нагл. North American Free Trade Agreement, NAFTA) – соглашение о свободной торговле. Подписано США, Канадой и Мексикой в декабре 1992 года. Основная цель – устранение барьеров в сфере торговли и инвестиций между США, Канадой и Мексикой.

НАТО – (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO) – военно-политическая организация, которая объединяет 28 государств в основном из стран Европы, США и Канада. Подписание об основании блока было в апреле 1949 года.

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности – военно-политический союз. Соглашение о создании союза было подписано в мае 1992 года. Государствами-членами ОДКБ являются Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Беларусь.

Постсоветское пространство – территория бывших союзных советских республик, образующих СССР. После провозглашения новых независимых государств, произошла регионализация постсоветского пространства с учетом природно-географических, этнонациональных и этноконфессиональных особенностей. Восточная Европа включает Россию, Украину, Белоруссию. Выделяются страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония), Южного Кавказа (Грузия, Азербайджан, Армения), Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизия). Молдова, этнический тяготеющая к Румынии, формально включается в восточную Европу. Постсоветское пространство часто отождествляется с Содружеством Независимых Государств (СНГ).

Прибалтийские государства – государства Латвия, Литва и Эстония.

Регион – особый вид территории, характеризующийся специфической целостностью, крупная территориальная единица. Существуют природные, политические, экономические и др. регионы.

Сепаратизм – стремление к отделению, обособлению, получению независимости.

Содружество Независимых Государств (СНГ) – межгосударственное объединение, образованное Белоруссией, Россией и Украиной (подписано 8 декабря 1991 года), 21 декабря 1991 года к Соглашению присоединились Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан.

Центральная Азия – геополитический регион, включающий Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Киргизию.

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества – учреждена в 2001 году вместо созданной в 1995 году «Шанхайской пятерки». Объединяет Китай, Россию, Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Основная цель организации – обеспечить региональную безопасность и содействовать экономическому сотрудничеству, противодействовать угрозам терроризма, сепаратизма, экстремизма, наркоторговли и организованной преступности.

Южный Кавказ – геополитический регион, в который входят Азербайджан, Грузия и Армения. В этом же регионе находится Абхазия и Южная Осетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные документы

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml
2. Военная доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. URL: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10363898@egNPA
3. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора. URL: <http://www.mospat.ru/index.php?page=30728>
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2003). URL: www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml
5. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Париж, 20 октября 2005 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf>
6. Конституция ИРИ. URL: <http://constitutions.ru/archives/140>
7. Конституция Российской Федерации URL: www.constitutions.ru/
8. Концепция внешней культурной политики Российской Федерации. URL: www.mid.ru/bdomp/Ns-osndoc.nsf/.../Приложение%20№%201.doc
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (2008). URL: <http://kremlin.ru/acts/785>
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (2013). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F
11. Концепция внешней политики Российской Федерации (2016). URL: <http://kremlin.ru>

II. Официальные сайты

1. Официальный сайт президента РФ Путина. URL: <http://kremlin.ru>
2. Официальный сайт правительства России. URL: <http://government.ru/>
3. Официальный сайт МИД России. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/>
4. Официальный сайт ООН. URL: www.un.org
5. Официальный сайт Европейского Союза. URL: www.europa.eu.int
6. Официальный сайт ЕврАзЭС. URL: www.evrazes.com
7. Официальный сайт СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by>
8. Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. URL: <http://www.iasis.ru>
9. Официальный сайт Экономического суда СНГ. URL: <http://www.sudsng.org/>
10. Организация Исламская конференция (ОИК). URL: <http://www.oic-oci.org/oicv2/>

III. Книги

1. Абашидзе А.Х., Урсин Д.А. Неправительственные организации: международно-правовые аспекты. М., 2002
2. Актуальные проблемы деятельности международных организаций/ Отв. Ред. Г.И. Морозов. М., 1982.
3. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2000
4. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012
5. Антюхина-Московенко В.И., Злобин А.А., Хрусталёв М.А. Основы теории международных отношений. М.: МГИМО, 1989.
6. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1955-1985): свидетельство современника. М., 1991
7. Аснер П. Насилие и мир. СПб., 1999.
8. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Наука, 1998
9. Ачкасов В.С., Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2011
10. Барышников Д.П. Конфликты в мировой политике: Учеб. пособие. М.: Восток-Запад, 2008
11. Барыгин И.Н. Актуальные проблемы международного регионоведения: Учеб. пособие, 2010
12. Бергер С. Внешняя политика для президента-демократа// Россия в глобальной политике. 2004. №3. Май-июнь.
13. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2003
14. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.:МОНФ, 1997.
15. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории// Восток-Запад-Россия: Сб. статей.М.: Прогресс-Традиция, 2002
16. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.:МОНФ, 2002
17. Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США/ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2002.
18. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001
19. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма// Вебер М. Избранные произведения. М., 1990

20. Вендт А. Четыре социологии международной политики// Международные отношения: социологические подходы/ Под ред. П.А. Цыганкова. М.:Гардарики, 1998
21. Вепринцев В. Б., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны. М.: Изд-во Горячая линия Телеком, 2005
22. Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке/ Под ред. П.А. Цыганкова. М.: РОУ, 1992
23. Внешняя политика: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара/ Под ред. П.А. Цыганкова . М.: КДУ, 2009
24. Володин А., Широков Г. Глобализация. М.: Наука, 2002
25. Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М.:Институт востоковедения РАН, 2002
26. Воскресенский А.Д. Китай во внешнеполитической стратегии России/ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2002
27. Воскресенский А.Д. Геостратегическая «геометрия» современного мира// Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001
28. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.: Логос, 2000
29. Гаджиев К. С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М.: Логос, 2013
30. Галенович Ю. М. Америка и Китай// Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001
31. Галенович Ю. М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М., 2002
32. Гизен К.Г. Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теориях международных отношений // Индивиды в международной политике. М., 1996
33. Глобалистика: Энциклопедия/ Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: ЦНПП «Диалог», 2003
34. Глобальная геополитика/ Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: Изд-во МГУ, 2010.
35. Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М.: 2010
36. Давыдов Ю.П. Демократия, демократизация и проблемы войны и мира// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. II. Исследования. М., 2002
37. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002
38. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализация. М.: ИНФРА-М, 2003

39. Дериглазова Л.В. Конфликты в международных отношениях: Учеб. пособие/ Под ред. А.Г. Тимошенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
40. Дынкин А.А. Институты и вызовы глобализации. М., 2001
41. Загорский А.В. Внешнеполитические процессы в СНГ/ Современные международные отношения. М., 1999
42. Закария Фарид. Постамериканский мир. М.: Европа, 2009
43. Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во МГУ, 2013
44. Инновационные направления современных международных отношений: Учеб. пособие для студентов вузов/ Под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова. М.:Аспект-Пресс, 2010
45. Иноземцев В. Глобализация. Иллюзии и реальность, М., 2009
46. Информационные вызовы национальной и международной безопасности/ Под ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. М.: Пир-Центр, 2001.
47. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. М.: ИД Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010
48. Кант И. К вечному миру// И. Кант. Соч. М., 1996. Т. 6.
49. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории . М.: РОССПЭН, 1998
50. Кириллов В.Б. События в Центральной и Восточной Европе: позиции России. М., 2010
51. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997
52. Клаузевиц К. О войне/ Пер. с нем. М., 1999
53. Кокошин А.А. Политика национальной безопасности России в условиях глобализации. М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001
54. Кокошин А.А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003
55. Корсун В.А. Китайский «мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы// Китай в мировой политике. М.:РОССПЭН, 2001
56. КОРТУНОВ С.В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М.:ИД Гос.ун-та Высшей школы экономики, 2009
57. КОРТУНОВ С.В. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру? М., 2009
58. Костин А.И. Экополитология и глобалистика: Учеб. пособие для студентов. М.: Аспект-Пресс, 2005

59. Крашенинникова В. Америка – Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007
60. Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. Исследования. М., 2002
61. Кувалдин В.Б. Глобализация: рождение мегаобщества// Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения. М., 2001
62. Кувалдин И.Б. Глобальность: новое измерение человеческого бытия// Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003
63. Кувалдин И.Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. М.: Магистр, 2009
64. Ланцов С.А. Террор и террористы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004
65. Ларин В.Л. Дальний Восток России в фокусе китайской политики// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: В 4 т. Т. III. М.: РОССПЭН, 2002.
66. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1997
67. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. М.: Изд-во МГИМО, 2009
68. Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2010
69. Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов/Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001.
70. Лыков А.Ю. Мировое государство как будущее мирового сообщества. М.: Проспект 2013.
71. Манойло А.В. Технологии несилowego разрешения конфликтов. М.: Изд-во Горячая линия-Телеком, 2008
72. Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001.
73. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке/ под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс. 2013.
74. Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России?/ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2002
75. Мир наизнанку: чем закончится экономический кризис для России?/М. Делягин, В. Шеянов. М.: Эксмо, 2009
76. Мировая политика в условиях кризиса/ Под ред. С.В. Картунова. М.: Аспект Пресс, 2010

77. Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: Хрестоматия/ Под ред. М.М. Лебедевой, П. А. Цыганкова. М., 2003.
78. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ/ Под ред. А.А. Кокошина, А.Д. Богатурова. М.: МОНФ, 2004
79. Михайлов А.Н., Келехсаев В.И. Противодействие терроризму: международный опыт. М.: Фонд им. М. Ю. Лермонтова, 2008
80. Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. М.: Весь мир, 1999.
81. Моро-Дефарж Ф. Геополитика. М., 1997
82. Моро-Дефарж Ф. Основные понятия международной политики. М., 1995
83. Назлик Е. Краткий очерк гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста, 1993
84. Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах// Жирар М. Индивиды в международной политике/ Пер. с фр. Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1996
85. Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М.: МГИМО, 2004
86. Осипов Г.В. Парадигма нового мирового порядка и Россия. М., 1999.
87. Панарин А. Реванш истории. М.: Логос, 1998
88. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002
89. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999
90. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003
91. Панарин И.Н. Информационная война и Россия. М.: Мир безопасности, 2000
92. Печатнов В.О. Американско-центристский мир и его последствия для России// Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001
93. Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия/ Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: Московский общественный научный фонд, 2000
94. Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2002
95. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009
96. Проблемы безопасности и противодействия терроризму. М.: МЦНМО, 2006
97. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс/Под ред. В. Шейниса, В. Эльянова. М.:Наука, 1983
98. Розенау Дж. Индивиды в международной политике. М., 1996

99. Российская наука международных отношений: новые направления/ Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005
100. Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. М., 2007
101. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 2007
102. Салицкий А.И. Внешнеэкономическая стратегия КНР//Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001
103. Салмин А.М. Глобализация и современное государство. М., 2001
104. Сергеев В.М. Экономические центры силы на пороге XXI века//Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001
105. Системная история международных отношений (1918-2003)/ Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. События 1945-2003. М., 2003
106. Современная мировая политика: прикладной анализ/ Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009
107. Современные международные отношения/ Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2009
108. Современная мировая политика: прикладной анализ/ Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009
109. Современные международные отношения/ Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2012
110. Стратегический глобальный прогноз 2030/ Под ред. акад. А.А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011
111. Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России. М.: МЦНМО, 2002
112. Теория международных отношений на рубеже столетий/ Под ред. С. Смита и К. Буса/ Пер. с англ. М.: Гардарики, 2002
113. Титаренко М.Л. Россия: Безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: Памятники исторической мысли, 2003
114. Титаренко М.Л., Михеев В.В. Стратегия соразвития России и АТР// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: В 4 т. Т. III. М.: РОССПЭН, 2002
115. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Наука, 1997
116. Тодд Э. После империи. Pax Americana – начало конца. М., 2004
117. Туронок С.Г. Политический анализ. Курс лекций. М., 2005
118. Тюлин И.Г. Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра//Космополис. Альманах. 1999
119. Уткин А.И. Американская империя. М., 2003
120. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001
121. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: ЭКСМО, 2006

122. Федоров Ю.Е. движущие силы внешней политики Российской Федерации//Современные международные отношения. М., 1999
123. Фененко А.В, Современная международная безопасность: ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013
124. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003
125. Хаттон У. Мир, в котором живем. М., 2004
126. Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачёва до Путина. М.: Научная книга, 2008
127. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2007
128. Цыганков П.А. Международные отношения и мировая политика. Учебное пособие М., 2014
129. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002-2007
130. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцельности. М., 1999
131. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Учеб. пособие для студентов. .: Аспект Пресс, 2013
132. Широков Г. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М.:Наука, 1987
133. Штоль В.В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010
134. Экономика и политика в современных международных конфликтах/ Под.ред. Богатурова. М.: МГИМО, 2008
135. Элиас Н. Общество индивидов. М.:Праксис, 2001
136. Юрьева Т.В. Европейская политика России// Современные международные отношения и мировая политика/ Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2001

IV. Статьи в научной периодике

1. Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер?//Журн. Латинская Америка, 2018
2. Адамишин А.Л. На пути к мировому правительству// Россия в глобальной политике. 2002. №1
3. Аксенёнок А.Г. Принуждение к демократии: есть ли пределы?//Россия в глобальной политике. 2004. №3. Май-июнь
4. Актуальные вопросы глобализации: Круглый стол «МЭ и МО»// Мировая экономика и международные отношения. 1999. №4.
5. Алексеева Т.А. Лики российского постмодернизма //Вестник МГУ. Сер. 18 Социология и политология. 2003. №3.

6. Арбатов А. Ядерная угроза- не блеф// Международная жизнь. 2013. Январь.
7. Афанасьев Е., Логвинов Г. Россия и Китай: на пороге третьего тысячелетия// Международная жизнь. 1995.
8. Барабанов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество// Глобализация: человеческое измерение. 2002
9. Барановский В.Г. Международные организации как механизмы регулирования международных отношений// Современные международные отношения. М., 1999.
10. Барнет Т. Новая карта Пентагона // Россия в глобальной политике. 2004. №3. Май – июнь.
11. Барнет Т. Китай нуждается в глобальной роли США в сфере безопасности// Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. 1. 2011.
12. Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). Январь-апрель.
13. Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке// Международные процессы. 2003. №1. Январь-апрель.
14. Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе// Международные процессы. 2004. Т.2. №1 (4). Январь-апрель.
15. Богатуров А. Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.
16. Богатуров А. Д. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. Т. 6. № 2 (17). Май-август 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/001.htm>
17. Богатуров А. Д. Реалистическая тенденция в российской теории международных отношений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 3.
18. Богатуров А. Д. Синдром поглощения в мировой политике // Pro et Contra. 1999. Т.4. № 4.
19. «Большая восьмерка»: возрождение лидерства// Россия в глобальной политике. Т.1. № 2. Апрель-июнь. 2003.
20. Борко Ю.А. Проблемка национального суверенитета: опыт европейской интеграции// Космополис. Альманах. М., 1999.
21. Браун К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества //Теория международных отношений на рубеже столетий/ Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002

22. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике// Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II Зарубежная политическая мысль XX века М., 1997
23. Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе// Международные процессы. 2009 Т. 7. № 1 (19)
24. Володин А. Г., Широков Г. Глобализация: вызовы и риски //Международная политика. 2001. № 7.
25. Лесли Г., Розентал Дж. Мораль во внешней политике // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль-сентябрь
26. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс». (А.Г. Глинчикова)
URL:<http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/5/6.htm>
27. Загладин Н.В. «Новый мировой беспорядок» и внешняя политика России// Мировая экономика и международные отношения. 2000. №1.
28. Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы// Россия в глобальной политике.2004. №3. Май-июнь.
29. Иноземцев В. Л. Глобализация: иллюзии и реальность// Свободная мысль. 2000. № 1.
30. Иноземцев В. Л., Карганов С.А. О мировом порядке XXI века// Россия в глобальной политике. 2005. № 1. Январь-февраль.
31. Капустин Б.Г. Посткоммунизм как постсовременность// Полис. 2001. №5
32. Ковалев И.Г. (2019) Великобритания и Европейский союз: сложный путь к постбрекзиту // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. С. 151-169. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-151-169
33. Козырев А. В. Преображенная Россия в новом мире. Выступление на научно-практической конференции МИД РФ. 26-27 февраля 1992 г. //Международная жизнь. 1992. № 3-4.
34. Козырев А. В. Стратегия партнерства// Международная жизнь. 1994. № 5.
35. Картунов С. В. Глобализация и национальная идентичность// Вестник Аналитики. 2007. № 1 (27)
36. Кременюк В.А. Насилие и ненасилие в «империи мировой демократии»// Международные процессы. 2004. №1
37. Кузнецов В. И. Что такое глобализация?// Мировая экономика и международные отношения. 1998. №2

38. Кулагин В.М. Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития// Полис. 2000. № 1.
39. Кулагин В.М. Мир в XX веке: многополюсный баланс сил или Pax Democratica // Полис. 2000. № 1.
40. Кулагин В.М. Политические режимы и внешняя политика// Pro et Contra. 2003. № 1.
41. Кулагин В.М. Современная международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2012
42. Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики// Международные процессы. 2004. Т.2. №2.
43. Луков В.Б. «Большая восьмерка» в современном и будущем мире// Международная жизнь. 2002. №3.
44. Вольф М. Рынки, демократия и мир// Международная политика. 2005. № 2
45. Мельвиль А. Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Открытая политика. 1998. № 6.
46. Михеев В.В. Логика глобализации и интересы России// Pro et Contra. 1999. Т.4. № 4.
47. Най Дж.-С. – мл. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика// Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
48. Най-младший Дж. После Ирака: мощь и стратегия США// Россия в глобальной политике. 2003. № 3.
49. Нарочницкая Н.А. Национальный интерес России // Международная жизнь. 1992. № 3-4.
50. Неклесса А.И. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира// Полис. 2000. № 6.
51. Никонов В.А. Назад к концерту// Россия в глобальной политике. 2002. №1. Ноябрь-декабрь.
52. Нова Эстер. Геополитические последствия экономического кризиса. Delkelet Europa – South-East Europe//International Relations Quarterly. 2001. Vol.2. N1.
53. Пабст А. Берлинская доктрина// Россия в глобальной политике. 2009. № 1. Январь-февраль.
54. Пастухов В.Б. Национальный и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. 2000. № 1.
55. Преображенная Россия в новом мире: Научно-практическая конференция МИД РФ. 26-27 февраля 1992 г. // Международная жизнь. 1992. № 3-4.

56. Примаков Е.М. На горизонте многополярный мир //Международная жизнь. 1996. № 10.
57. Путин В. Россия и меняющийся мир// Московские новости. 2012. 27 февр.
58. Рыхтик М. Государствостроительство (nation-building) во внешнеполитической стратегии США// Международные процессы. 2003. № 2. Май-август.
59. Савин Л.А. От периферии к супердержаве// Геополитика. Информационно-аналитическое издание. 2011. Вып. 1.
60. Саймс Д. Имперская дилемма Америки// Россия в глобальной политике. 2004. № 1. Январь-февраль.
61. Соловьёв Э.Г. Геополитика как профессия и как научная дисциплина: перспективы эволюции в современной России// Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 2.
62. Соловьёв Э.Г. От «военного гуманизма» к «вооруженному идеализму». Эволюция американских подходов к миропорядку// Международные процессы. 2003. № 2. Май-август.
63. Стюарт С. Россия и ЕС: экономика, как катализатор политики// Россия в глобальной политике. 2008. № 2. Март-апрель.
64. Сутела П. ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных? // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. Ноябрь-декабрь.
65. Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю// Международные процессы. 2005. Т.3. № 1 (7). Январь-апрель.
66. Фёдоров Ю. Е. Глобализация: вызовы и альтернативы для России// Международная политика. 2001. № 7.
67. Фененко А.В. Войны шестого поколения// Международная жизнь. 2004. № 2
68. Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма.// Международные отношения: социологические подходы. М.: Гардарики, 1998
69. Хоффман С. Столкновение глобализаций // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. Январь-март.
70. Хрусталёв М. А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен// Международные процессы. 2003. № 2. Май – август.
71. Хрусталёв М. А. Эволюция системы международных отношений и особенности её современного этапа// Космополис. Альманах. 1999.
72. Хэнсон Ф. Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. Январь-февраль

73. Цыганков А.П. Русофобия в США// Международные процессы. 2006. № 3.
74. Чешков А.А. Болезнь серьезнее, чем кажется// Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3.
75. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики// Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25) Январь-апрель.
76. Шейнис В.Л. Национальные интересы и внешняя политика России// Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 4.
77. Шерр Дж. Россия и Запад: переоценка//Россия в глобальной политике. 2008. № 2. Март-апрель
78. Школяр Н. А. Интернационализации экономик стран Латинской Америки//Росс. Экономический вестник 2010. № 16
79. Яковлев П.П. США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47—58. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58

V. Интернет-источники

1. Арбатов А. Россия больше не будет следовать в фарватере Запада. URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=5701>;
2. Арбатов А.Г. Международная безопасность, положение и роль Российской Федерации. URL: <http://russiancouncil.ru/>
3. Барр Э. Стратегические интересы Европы. URL: [http://www.moskau.diplo. De/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale__Politic/2007/IP02__2007/11.html](http://www.moskau.diplo.De/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale__Politic/2007/IP02__2007/11.html)
4. Бобо Ло. «Постоянная перезагрузка» Китая. URL: http://narod.ru/disk/27308350000/Бобо%20Ло_перезагрузка%20Китая.pdf.html
5. Волчек Д. Обсуждение политических последствий финансового кризиса. URL: <http://www.svobodanews.ru/Transcript/2008/10/11/20081011234453520.html>
6. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

Учебное издание

Ерхов Геннадий Петрович

Изучение курса «Анализ международных ситуаций»: учебное пособие

Редактор